

Галина Череди

Эволюция любви

Можно ли любить кого-то всегда? Испытывать безответную любовь ровно столько, сколько помнишь и осознаешь себя? Без шансов и надежды. Терпя боль, ревность и вечно неутоленное неистовое желание. Пытаться утопить эту боль в чужих лицах и телах, в ничего не значащих связях. Убедить себя что забыл, но сгореть дотла от одного только взгляда спустя столько лет. И можно ли заставить судьбу прогнуться под себя если не уступать и продолжать любить не смотря ни на что? В этот раз никакого экстрима и жестокости. Просто чувства, поиск себя героиней и очень откровенные сцены

Вы никогда не думали о том, когда и как из жизни уходит радость? Нет, не способность смеяться над шутками друзей и анекдотами, и прикольными высказываниями и статусами, которые вы читаете в нете. Или смешными роликами с умильными животными и проказами чужих детей. Нет не это.

А просто лето почему-то становится не долгожданным временем открытий, свободы и радости как в детстве, а жутко раздражающим раскаленным временем года, выматывающим из вас душу духотой и бесконечными днями, и короткими ночами, когда даже отдохнуть от жары не успеваешь. И ты как благословения ждешь осени, когда будет уже не так невыносимо добираться на работу и с работы в этом жутком мареве.

Но вот приходит осень и что же? Разве успеваешь заметить золотую листву и хрустальный свет и "лучезарные вечера" о которых с восторгом писали классики? Не-е-ет! Как-то почти незаметно жаркое лето превращается в мерзкий непрекращающийся дождь, слякоть, грязные лужи и противную сырость. И главное с каждым годом это происходит все стремительней. И шлепая по лужам домой, начинаешь ждать зимы. Когда все будет кругом белым и чистым, когда вместо слякоти будут...ну да вы поняли — гололед на тротуарах, сосульки, норовящие снести полбашки и мерзкий холод от которого лопаются губы и стынет все внутри. Ну вы поняли с что весной все тоже с некоторых пор не слава богу.

Скажите я противная брюзга и законченная пессимистка? Что у меня затяжной ПМС и хронический депрессняк? Так я же не спорю. Все так. Только проснувшись сегодня задала я себе вопрос: когда же веселая, беззаботная, компанейская и легкая на подъем девчонка стала этой вечно задолбаной рутиной женщиной? И нет дело не в том что не хватает денег или я пашу как ломовая лошадь. Нет. Все у меня хорошо. И денег хватает и в доме все нормально, и муж у меня успешный и не урод. И не ссоримся мы почти никогда. Так что тогда?

Глава 1

Будильник вырвал меня из этих совершенно бесполезных переживаний о смысле бытия. Рядом сонно завозился муж и привычно подгрёб моё тело ближе, приветствуя утренней эрекцией. Наверно меня должно даже радовать, что так начинается каждое наше совместное утро? Ого-го! Мы вместе почти пять лет, а мой муж все ещё хочет меня! И наплевать, что это нормальное состояние для любого здорового мужика по утрам. Это ж, типа, должно льстить моему женскому самолюбию! Чувствую, как волна глухого раздражения поднимается внутри. Я отстраняюсь от недвусмысленно трущегося об меня мужа. Он, недовольно заворчав, подтягивает меня обратно и обхватывает рукой грудь. Уткнувшись носом мне в затылок, целует сзади шею и плечи. Я слышу, как меняется его дыхание и понимаю, что он уже совсем проснулся и настроен серьезно. Саша мнет мою грудь, пощипывая сосок, и пытаюсь добиться отклика. Движения его бедер становятся настойчивей, и член твердеет под

боксерами, почти до боли вжимаясь между моих ягодич.

Я пару минут прислушиваюсь к своему телу и понимаю, что не хочу. Только не опять так же, как изо дня в день, почти каждое утро. Я знаю этот сценарий уже до мелочей. Его рука опустится между моих бедер в поисках влаги и, как обычно в последнее время, не найдет её там. Но он, не смутившись, смочит пальцы слюной и опять опустит руку. Застонет мне "Как же мне нравится, что ты всегда такая тесная". Попытается простимулировать меня пальцами. Надо сказать, что раньше у него это получалось очень хорошо. Но теперь, в спешке, по утрам, его движения слишком резкие и нетерпеливые. Словно он не ласкает меня, а ищет кнопку ВКЛ-ВЫКЛ. Обычно я поддаюсь, стараясь расслабиться, и застонав что бы он решил, что сработало, позволяю ему войти в свое тело. Ведь, как бы там ни было, перебирать не приходится. Бери что дают. А последний год, после его повышения мы реально видимся в адекватном состоянии только этот короткий момент по утрам. Вечером Саша приходит иногда так поздно, что я уже сплю. Да и сам он, к тому моменту, способен только упасть и уснуть. Даже душ для него это уже подвиг. Он реально любит свою работу, и повышение это воспринял как вызов, выкладываясь теперь на все сто, словно желая доказать всему миру, что лучше него с этой работой не справится никто. Я тоже люблю свою работу, но все же, так маниакально я ей не предана, хотя и уважаю мужа за его целеустремленность. Поэтому только в эти короткие минуты по утрам он еще бывает таким как раньше, пока сонный и не включил еще свой рабочий режим.

Но именно сегодня меня все бесит и не устраивает. Я не хочу что бы сейчас, лаская меня, он думал о том, что нужно уложиться вовремя, что бы ни дай бог не опоздать на свою обожаемую работу. Хочу, что бы он завелся так сильно, что забыл бы обо всем на свете.

— Я хочу быть сверху, — шепчу я и прогибаюсь.

— Ну нет, милая! Это будет реально долго, мы опоздаем, — хрипло отвечает Сашка уже пристраиваясь поудобней сзади.

Но для меня это вдруг как ведро холодной воды на голову. Даже те крохи возбуждения, что и были в моем теле, мгновенно улечиваются без следа. Я высвобождаюсь из рук мужа и резко встаю с постели.

— Лиз, какого черта? — слышу за спиной обиженный голос мужа.

— Я хочу заняться этим нормально. А не быстренько перепихнуться перед работой.

— Раньше тебе нравилось быстренько перепихнуться... — усмехается муж.

— Да, нравилось. Как один из множества вариантов. Может припомнишь когда мы делали это не быстренько в последние. сколько? Полгода? Год? С того момента как ты получил эту должность?

— Черт я не могу понять, что не так то? — вскакивает Сашка с постели. — Я пащу как проклятый для нашего будущего, между прочим. У меня головняков и на работе хватает, а в постели с женой я хочу просто расслабиться и снять напряжение. Это что преступление?

— Нет, дорогой, не преступление. Когда это раз или два, ну десять. Но, черт возьми, год! Мы не говорим, почти не видимся, а вместо нормально секса этот долбаный суррогат! Я так не хочу!

— А я хочу! — раздраженно рычит Сашка. — И, черт возьми, ты моя жена и должна...

Я не собираюсь все это выслушивать и иду на кухню, начиная танец привычных телодвижений. Завтрак, душ, одежда, макияж, сполоснуть быстро посуду. За завтраком он молчит и только кидает время от времени на меня косые взгляды. Я уже жалею о своей вспышке. Пожалуй, раньше я бы обняла его и поцеловала, и никогда бы не дала уйти на

работу не помирившись. Раньше это было важно. Почему тогда сейчас мне совсем по фигу? Мы обуваемся и спускаемся к машине. Сегодня Сашка подкинет меня до работы.

— Я послезавтра в командировку, — косится на меня муж.

— Надолго? — пытаюсь я выглядеть заинтересованной.

— На десять дней, — отвечает он и напрягается в ожидании моей реакции.

— Но ведь будет пятница. Какой смысл куда-то посылать тебя перед выходными? — раздражение скручивается внутри горьким клубком, а потом вдруг растворяется не оставляя после себя ничего. Совсем ничего.

— Ну, там будет культурная программа, встречи в неформальной обстановке, — как бы извиняясь, говорит муж.

Я вдруг отчетливо понимаю, что еще какое-то время назад, я бы страшно расстроилась, топала бы ногами или даже всплакнула. Опять это "вдруг". Только вот прямо сейчас мне делать этого не хочется. Почему-то перспектива провести выходные в одиночестве не пугает и не расстраивает. Как-то все равно. Сашка понимает моё молчание по-своему.

— Цветочек мой, если бы я мог, я бы обязательно взял тебя с собой! — примирительно говорит он. — Но у тебя же работа, да и я занят буду все время.

Я ловлю себя на мысли, что я ведь должна хотя бы выглядеть обженной, но притворяться не хочу.

— Да ладно, я понимаю. Надо так надо. Вечером начну собирать тебе чемодан, — мы уже доехали. Я чмокаю мужа в щечку и выпархиваю из машины.

Здороваясь со всеми по дороге, прихожу на рабочее место и сажусь за стол. Обвожу все вокруг рассеянным взглядом. И тут меня по-настоящему накрывает.

Что, на хрен, произошло с моей жизнью? Любимый муж превратился в соседа, которого я терплю и отъезд которого только радует, вместо того что бы расстраивать. Работа, которую я вроде любила — монотонная задолбавшая рутина. Коллеги, милые, доброжелательные люди — просто безликие манекены, скользящие по обочине моей жизни. И так было все это время? И так будет и дальше, год за годом, всегда-всегда?

Я читала о таком в книжках. Но там героини медленно и неуклонно идут к осознанию того, что что-то не так, страдают и мучаются. Или у них случается какое-то несчастье, измена, болезнь, ну, на крайняк, камни там с неба... А у меня? Вот просто проснулась утром раньше будильника и осознала, что жизнь говно? Так ведь не должно быть?

Потом рабочий день обрушивается на меня привычной суетой, и мои переживания уходят на задний план, оставаясь противным комариным зудением, белым шумом на краю сознания. Документы, звонки, встречи с заказчиками, одни и те же фразы сотни раз по кругу разным людям и в разное время.

Потом домой на маршрутке. Лифт, душ, кухня. Сашки нет. Он будет позже, как всегда. Привычным движением открываю **ноутбук**. Захожу на свою страничку в ВКонтакте. Нахожу запрос на добавление в друзья от какой-то Ольги Раминой (Лимаревой). И только через несколько секунд до сознания доходит. Оля Лимарева! Соседка по старому дому! Боже, это сколько же лет!

Напрягаю память. Родители получили новую квартиру тринадцать лет назад. Да, точно! Именно столько мы и не виделись. Господи как же время летит! В моей памяти, вроде как вчера, мы переезжаем из нашей уютной двухэтажки в новый район, прощаемся со старыми соседями, обещаем не теряться и еще увидеться.

И вот я уже сижу перед компом и прошло тринадцать лет, а мы ни с кем не виделись ни

разу. Неожиданно волной накатывают теплые воспоминания. Старый двор, между четырьмя двухэтажками, белье на веревках посреди этого двора, за шастанье под которым нас нещадно гоняли бабульки. "Казаки-разбойники" по вечерам, и ни одного живого места на сбитых коленках. Футбол с пацанами, где я всегда — самый надежный вратарь. Секретные вылазки на помойку, где можно найти настоящие сокровища, которые кто-то неосмотрительно счел ненужным хламом. Гаражи, между которыми у нас было тайное убежище, где мы учились смалить втихаря стыренные у старших сигареты, давясь мерзким дымом и тошнотой, но делали суровые лица, изображая друг перед другом опытных курильщиков. Колька Соринов, мой верный рыцарь, босяк и раздолбай. Моя почти самая настоящая первая любовь. Он был на пару лет меня старше, вечно встрепан и расхристан, натуральный хулиган, грубиян и ему достался мой первый поцелуй. Тоже почти настоящий. Крик моего отца:

— Лизавета! Я запрещаю тебе дружить с этим босяком!

И мое вполне законное возражение из укрытия:

— Он не босяк больше. У него уже ботинки есть!

— У них вся семья алкаши и зеки! — краснеет от гнева папа, — Что бы ты к нему и близко не подходила! Что это вообще такое? Почему ты не можешь как все девочки играть в кукол?

И я, конечно же, не слушалась. Ну, скажите, что за интерес дружить с занудами-девчонками, только и ноющими постоянно о тряпках, куклах, если есть своя компания мальчишек, умудряющихся каждый день превратить в захватывающую авантюру, настоящее приключение?

Я поймала себя на том, что улыбаюсь в тишине пустой квартиры как умалишенная, и настроение, бывшее таким похабным с самого утра, медленно поползло вверх. На несколько недолгих минут я опять стала той самой Лизкой-Ромашкой, сорвиголовой и заводилой целой пацанячей компании, свободной как ветер и плюющей на все правила поведения и запреты взрослых. Сердце от этого ощущения забилось сильнее, делая меня отчетливо живой.

Я добавила Ольгу в друзья и быстро настрочила сообщение с номером телефона и массой обычных вопросов. "Как дела? Где ты сейчас? Видишь ли кого-нибудь?"

Звонок раздался почти сразу. На дисплее незнакомый номер.

— Привет, Ромашина! — Ольга орёт в трубку — Я так рада, что тебя нашла! Лизка, как ты?

— Да, нормально! Живу помаленьку! А сама-то как?

— Да и я не бедствую. Слушай, а давай увидимся, а то я сейчас к друзьям на вечеринку сбегая. Ты как?

— Да я не против! — я действительно хочу её увидеть.

Мы никогда не были офигенными подругами, скорее наоборот. Но все же столько лет спустя хочется увидеть кого-то с кем напротив на горшках в детском саду сидела.

— Класс! У тебя, у меня или в городе где-нибудь?

— А ты где сейчас обретаешься?

— Да все там же, Лизка! Адрес прежний. Родоки купили домик в деревне и уехали на старости лет поближе к земле. А я все там же!

— Так это же просто здорово! — обрадовалась я не на шутку. — Хоть гляну на свой старый двор и дом!

— Ты когда сможешь?

— Послезавтра у меня муж в командировку уезжает. Давай я к тебе сразу после работы

и прискачу.

— Это во сколько?

— Ну, учитывая дорогу, около семи. Нормально?

— Да просто супер! Дорогу хоть помнишь?

— Обижаешь. У меня вроде старческий склероз не начался.

— Ну все! Жду с нетерпением!

Дальнейший вечер прошел уже гораздо лучше. Сашка наконец пришел, и мы ужинали и болтали. Точнее болтал он, а я рассеяно слушала про дебила- шефа и новый проект который застрял и никак, и кивала. И в этот момент неожиданно подумалось, что мы ведь никогда не говорим о моей работе, только о его. Его работа, его начальство, его проекты, его проблемы... Но потом опять вспомнила о разговоре с Ольгой и зародившееся раздражение ушло, уступая место какому-то радостному предчувствию. На этой волне я даже забыла утреннее дурное настроение и после ужина все же предприняла попытку пристать к Сашке с непристойным предложением.

— Лиза, цветочек мой, я устал как собака! — пробурчал Сашка, тем не менее, позволяя мне взобраться на него верхом. — Если ты чего-нибудь хочешь, тебе придется сделать все самой.

Наверное, стоило обидеться, но мы не занимались сексом почти неделю, да и до этого кое-как, и мое тело уже настойчиво требовало хоть какой-то разрядки. Я люблю секс, чего уж притворяться, и наши с Сашкой отношения именно и строились вначале на том, что он мог давать мне его много и качественно. Начало наших отношений тоже трудно назвать жутко романтическим. Просто, наверное, так бывает, когда в твоей жизни кто-то появляется в нужный момент. Может, когда именно к таким отношениям ты и готова.

Мы вместе с однокурсниками возвращались из двухдневной поездки за город, когда у Сереги сдохла машина. Что-то там затарахтело и задымилло, и мы встали на какой-то богом забытой лесной дороге. В машине нас было как селедок, шесть человек. Парни, поколдовав часок перед открытым капотом, вынуждены были признать, что ни у кого из них таланта автомеханика не имеется. И тогда, под нашими изнывающими от желания поскорей вернуться к цивилизации взглядами, Серега набрал номер старшего брата. Брат приехал часа через полтора, на дорогой иномарке, в идеально сидящем костюме и с раздражением на лице. Он сразу поинтересовался у брата почему бы тому не вызвать было эвакуатор, но потом, обежав взглядом всех, остановился на мне. Видок мой, после ночевки в палатке и поездки в битком набитой машине, оставлял желать лучшего. Но Сашка приклеился ко мне взглядом, и даже помогая цеплять Серегину развалюху к своей, то и дело поднимал глаза на меня. А когда мы все стали впахиваться обратно в машину, то ненавязчиво придержал меня за локоть и предложил поехать дальше в его машине. Причем остальные две девушки в нашей компании, замершие в ожидании, так и не удостоились подобного приглашения. Поэтому я садилась в роскошную машину Саши под завистливые взгляды девчонок и хмурый Сереги. Я понимала, что он пригласил меня в эту вылазку на природу с определенными целями. Я рассталась со своим парнем, и Серега явно надеялся на сближение. Но я в нем никого кроме друга не видела. В тот день Саша, дотащив Серегу до места, предложил отвезти меня домой. Мы перегрузили мои вещи в его багажник, и вскоре я уже была дома.

— Лиза у вас есть кто-нибудь? — спросил тогда Саша.

— Кто-нибудь это кто? — прикинулась я табуреткой.

— Молодой человек, парень, любовник, муж? — с улыбкой перечислил Саша.

— На данный момент нет, — усмехнулась я и открыла дверцу.

— Это хорошо. Но, я думаю, мне стоит поторопиться, так как вряд ли это продлится долго. До встречи, Лиза, — сказал Саша и уехал.

На следующий день, в понедельник, он вошел в аудиторию с роскошным букетом, такой же безупречный как всегда, и пригласил меня пообедать. Обед плавно перетек в прогулку и ужин, а потом и в совместный завтрак. Саша был на пять лет старше меня, и, пожалуй, подкупил своей уверенностью в себе и своих действиях. Вначале это было просто хорошим средством для моего разбитого на тот момент сердца, поиском тепла, но вскоре стало большим. Мои родители просто заходились в восторге от Сашки и прямо таки насели на меня, вбивая в мою непутевую головушку, что он и есть тот самый идеальный мужчина. И когда через месяц Сашка сделал мне предложение, я согласилась.

Серегу закатил жуткий скандал, заявив, что Сашка это последний человек с кем я могла бы быть счастлива. Он жутко напился и со слезами на глазах уговаривал меня отказаться, потому что его брат превратит меня в робота, как он выразился, а когда я отказалась, перестал общаться с братом. До сих пор он продолжает общаться только со мной, а брата игнорирует. На нашу свадьбу он тоже не пришел. Медового месяца у нас не было, просто Саша сумел выкроить из своего графика неделю, и мы слетали на Бали. Пожалуй, это было единственное время, когда мой муж принадлежал только мне, и я не делила его с работой. А дальше? Ну, дальше как у всех. Сначала он рвался с работы домой, набрасывался на меня прямо с порога. Потом стал приходить позже и извиняясь целовать меня и шептать "прости девочка моя, я так устал, но обещаю все наверстать". Потом исчезли извинения и были только раздраженные фразы типа "Ну ты же не ребенок и должна понимать" или "я же для нас, между прочим, папу", ну и другие в том же духе. И не надо думать, что я просто капризная истеричка и готова сучить ногами и вопить что бы привлечь к себе внимание. Просто ощущение потери чего-то важного между нами, того что должно было нас соединять, сращивать все ближе, причиняло боль. То, что должно было расти с годами, делая нас ближе, почему то оказалось для моего мужа неважным, а я почему-то и не настаивала. Мы давали утечь этому важному сквозь пальцы, вечно ссылаясь на занятость и надеясь отыскать и реанимировать как-то потом. Но вот сегодня вдруг мне показалось, что потом не будет. Просто потому, что нельзя оживить то, что умерло так давно и даже стало прахом. Или если это случилось так легко, может, его никогда и не было?

Но прямо сейчас я не хочу об этом думать и что-то анализировать. Я хочу дать своему телу то, что оно хочет.

Я медленно раздеваю Сашку, следуя поцелуями за своими руками. Несмотря на отговорки, к тому моменту, когда я стягиваю с него штаны вместе с трусами, он уже возбужден. Я прохожусь языком и губами по его длине, облизываю выступающие вены и обхватываю головку. Сашка дергается и стонет.

— Черт, ты меня в гроб загонишь, Лиза!

Но я сегодня эгоистична. Если вся работа мне, то и удовольствие будем моим в первую очередь. Сбрасываю с себя остатки одежды и опускаюсь на него, привычно принимая всю длину.

Двигаюсь в своем собственном ритме, руки мужа привычно скользят по коже, лаская и прижимая именно так как мне нравится. Опять это гребанное слово "привычно"! И даже не слово, само ощущение от всего, что мы делаем. Одни и те же слова, одни и те же позы, одни и те же движения. Да, он знает, как сделать мне хорошо. Но неожиданно этого становится

мало. Хочу страсти, хочу ярости, хочу потери контроля.

Из-за этих долбанных мыслей я теряю настрой, и оргазм неумолимо ускользает от меня. Я начинаю двигаться резче и яростней, желая догнать и вернуть его.

— Ооох, Лизка, ты меня убиваешь! — шипит Сашка. Резко выгибается всем телом и кончает.

Нет! Черт тебя возьми, нет!

— Прости я не смог... — виновато шепчет он. — Ты сегодня какая-то неистовая. У меня от одного твоего вида крышу сорвало.

Сашка опрокидывает меня на спину и накрыв губы нежным поцелуем, пытается исправить положение пальцами. Он всегда был в этом мастер, но сейчас мое тело почему-то резко протестует, и я вскакиваю с постели и иду в ванную.

— Лиз, ну не злись! Вернись и давай попробуем еще!

Не хочу возвращаться! Иначе сейчас сорвусь и наорю на него, потом буду жалеть. Немного остыв в ванной, все же решаюсь вернуться, но застаю Сашку уже спящим. Ложусь рядом, и, мстительно глянув на мужа, довожу себя до оргазма сама, представив жутко разнузданный трах с мужиком-моделью из рекламы парфюма, роскошный торс которого вызвал у меня водопад слюны несколько дней назад. И не говорите мне, что никогда так не делали!

А потом опять приходит необъяснимое чувство вины и горечи. С ним я и засыпаю.

Будильник, утренняя эрекция у моей задницы, душ, завтрак, спешные сборы, дорога на работу. Файлы, документы, телефонные переговоры, неискренние улыбки за кофе, разговоры не о чем. Маршрутка, магазин перед домом, пакеты с продуктами, лифт, кухня, ужин. Опять разговоры ни о чем. Правда, охрененно здорово?

Сашка пытается компенсировать свой вчерашний ранний финиш и в принципе все неплохо. Я смотрю на ритмичнодвигающееся надо мной тело и чувствую привычное вторжение. Оргазм приходит быстро, но как-то бесцветно. Сашка хрипит и, дернувшись, валиться на меня. А я смотрю в потолок и не могу побороть это раздражение, что все нарастает внутри. Может мне начать уже какие-нибудь таблетки жрать, на йогу записаться или в религию там удариться, что бы ходить и благостно всем улыбаться, изображая безмерное счастье?

Следующий день отличается лишь тем, что при выходе из дома муж прихватывает собранный чемодан и, подкинув меня, едет в аэропорт. Он целует меня в щеку, но я вижу, что мыслями он уже не здесь. Да и я-то сама уже мысленно посадила его в самолет и помахала ручкой. День сегодня жутко суматошный. Такое впечатление что пятница — это какой-то конец света, и понедельника, что бы все доделать, уже никогда не наступит, и поэтому все пытаются втиснуть в один короткий день столько всего.

Выползая с работы, чувствую жуткую усталость и думаю набрать Ольгу и перенести нашу встречу. Но она как будто знает и звонит сама.

— Лизок, у нас все в силе? Только не вздумай откорячиться! Я тебя тут уже жду!

Я вздыхаю и пытаюсь сориентироваться, как сейчас лучше добраться в район города, где не была столько лет. Наконец соображаю, покупаю пару бутылок вина и всего по мелочи, и сажусь в автобус. Уже на подъезде к нужной остановке сердце начинает подпрыгивать и сбиваться. Как так вышло, что за все эти годы мне как-то не пришлось даже побывать в этом районе города?

Все вокруг изменилось до неузнаваемости. На месте стадиона — торговый центр. Сквер

из заросшего места наших детских приключений превратился в зализанный и кастрированный, типа уголок зелени с идеально ровными дорожками и вычурными фонарями. Моего детского сада тоже нет — там теперь отделение банка. И только войдя в наш старый двор между четырьмя двухэтажками, я словно окунаюсь с головой в прошлое. Все та же раздолбанная беседка, только выкрашена в другой цвет. Проволоки с бельем, подпертые палками. Длинный деревянный стол с лавочками, "штаб-квартира" всех наших окрестных бабулек. Палисадник три на четыре прямо под окнами моей бывшей комнаты по-прежнему огорожен крашеными спинками от железных кроватей. Песочница с детьми и бдящими мамами. И даже старая урна у столба все та же. Офигеть! Я словно назад во времени вернулась! На лавочке как всегда стройный ряд "стажей вселенной". Бабульки щурятся на меня пытаюсь своим рентгеновским зрением просветить чисты ли помыслы у незнакомки, вторгшейся на их территорию.

— Лизка? Ромашина? Ты что ль? — дрожащий голосок.

Всматриваюсь повнимательней. Ох, блин, время жестоко!

— Да, тетя Катя, это я.

Да уж, от той бой-бабы, что с пеной у рта вечно отстаивала свое мнение на этих самых лавочках много лет назад, осталась, наверное, треть. Полная жизни пожилая женщина превратилась в сухонькую старушку.

— Ты каким ветром в наши края? — улыбается женщина и поясняет другим не менее юным соседкам. — Это Лизка Ромашина, дочка Миши Ромашина, ну помнишь, роскошный такой был мужчина. А она все шлодила, с мальчишками только и искали, где бы чего сотворить. Ох, Лизка, Лизка, не было на тебя тогда управы. А сейчас, погляди ж ты, какая дама стала. Только чего така тощая то? Все по моде? Одни сиськи торчат, прости господи.

— Лизка — кричит с балкона Ольга. — Ты чего там с этими кошелками старыми застряла? Они ж тебе сейчас весь мозг вынесут и кости переберут! Давай, поднимайся.

Вхожу в подъезд. Все те же щелястые полы, выкрашенные коричневой краской, и запах кошачьей мочи. Интересно, а когда я сама стану такой же как тетя Катя, тут все будет по-прежнему? Прямо петля времени какая-то. Поднимаюсь по скрипучей лестнице. Вот, правда, вижу одно отличие. Двери у всех стали цивильные, железные, прямо как в сейфах. А я помнила этот подъезд еще с простыми, деревянными и те, впрочем, почти никогда не закрывались.

— Лииззкааа! Ну, наконец-то! — Ольга обнимает меня и втаскивает в прихожую.

Какое-то время мы стоим, изучая друг друга, так сказать "вживую". Фото на страницах это одно, а тут совсем ведь другое. Ольга всегда была полненькой. И сейчас передо мной стоит смуглая пышечка, с живыми карими глазами и кучерявыми темными волосами, облаком обрамляющими её красивое личико с ровной оливковой кожей.

— Ох, Лизка! Вот не зря ведь все мальчишки за тобой хороводом вечно ходили! — с восхищением говорит она, и я реально смущаюсь. — Ты и раньше в детстве красивая была, а теперь вообще! Пошли!

Ольга тянет меня в комнату, где уже накрыт стол.

— Я вино принесла, — говорю и оглядываю все вокруг.

Если снаружи дом и двор все тот же, то тут, в Олиной квартире, несомненно, чувствуется что мы не в прошлом. Хороший евроремонт, перепланировка, дорогая мебель и аппаратура. Явно чисто женская квартира. Все кругом очень ухожено и уютно.

Мы, все же обнявшись крепче по поводу встречи, усаживаемся за стол. Сначала

разговор не клеится дальше обычных вопросов. Где училась, когда женились и тд. Но постепенно вино и старые воспоминания развязывают нам языки, и мы начинаем перебирать всех бывших соседей и знакомых. Кто-то умер, кто-то переехал, кто-то спился, кто-то поднялся или подался в секту... Доходит разговор и до моей "любви".

— Кольку Соринова ты же помнишь? — я киваю. — Ну, еще бы, вы ж не разлей вода были. Ты, он и братец его младший, пришей-пристебайло к вам. Так, сидит он.

— Кто, брат? — я смутно начинаю припоминать белобрысого мальчишку, что таскался за нами повсюду.

— Да нет же, глупая. Колька сидит. Он же в лихие девяностые в бандюки подался. Вот и до бандюковался. Посадили. За убийство.

— Да ну, на хрен! Кольку и за убийство? Да он же и мухи не обидит!

— Ох, дура ты, Лизка. Время, знаешь, как всех меняет. Ты его пацаном зеленым помнишь, а я его волком пожженным уже знаю. Другим он человеком совсем стал. Жестоким и безжалостным. А вот брат у него совсем другое дело.

— Ромка? — нахмурившись, вспоминаю я

— Не Ромка тебе. А Роман Григорьевич Соринов! Крупный бизнесмен, мачо и красавец такой, что у меня аж пальцы на ногах заворачиваются, как его вижу.

Я с трудом воскресила в памяти синеглазое нечто, вечно чумазое и встрепанное, едва догоняющее меня по росту и всегда крутившееся где-то рядом с Колькой и мной.

— Ромка — мачо? Этот мелкий...

— Да ты сама теперь рядом с ним мелкая. А вообще-то он нас на год старше. Просто в детстве медленно рос и ты сама долговязая всегда была. Увидела бы его сейчас, ты не улыбалась бы! Знаешь, какой мужик вырос? Умереть — не встать. Плечи — во! Бедра узкие, грудь...мммм — да слов нет, одни слюни. Я его как то утром на балконе без майки увидела и, блин, навечно культурно-эротический шок получила. Вот как такие вообще на белый свет родятся, и, главное, почему в таких ограниченных количествах? Эх, жаль я не в его вкусе, я бы с ним зажгла так, что потом тушить три пожарки вызвали бы... — мечтательно закатила глаза Ольга.

Я смеялась не в силах представить на месте голенастого и тощего мальчишки из моей памяти рокового красавчика.

— Так он что тоже тут живет?

— Тут, тут, будь он не ладен, герой моих снов эротических. Он, как поднялся, выкупил все четыре квартиры в подъезде и полностью там все переделал, объединил. Теперь у него там апартаменты с выходом на крышу. Наши бабки тут поначалу кипеж страшный подняли, типа дом старый, рухнет, и все такое. Но он вызвал серьезного архитектора и все по уму сделал. Да еще и капитальный ремонт второго подъезда и кровли оплатил, и детскую площадку... Ну они и заткнулись.

— Странно разве не проще за эти же деньги купить новую квартиру или даже дом? — удивилась я.

— А он говорит, что переезжать не хочет. Ностальгия у него по детству, блин. Наверное, вспоминает все как ходил за вами по пятам и смотрел на тебя с утра до вечера влюбленными глазами.

— Да брось, какие влюбленные глаза в том то возрасте? Смеешься что ли?

— Да ладно, все это знали. Его же пацаны совсем застремали все видели, что он с тебя глаз не сводит. А он, все равно, зубы сожмет и следом за тобой и Колькой идет.

Я отмахнулась, хотя воспоминания о прошлом и наполняли душу приятным теплом и волнением, которого я уже давно не чувствовала.

— Ты говоришь, что он поднялся?

— Да и лихо так!

— А как сумел? У них же семья нищая совсем, мать вечно все до последней копейки пропивала, пацаны в обносках вечно голодные ходили!

— А вот это, Лизка, тайна покрытая мраком. Болтали, что дядька какой-то богатый у них помер и им деньги достались, а Рома сумел их удачно вложить и поднять свой бизнес. Но, я думаю, что без криминала тут не обошлось. Хотя рядом с Ромочкой никогда никаких темных личностей не видели, в отличие от Кольки.

Мы еще долго сидели, вспоминая, смеясь и даже немного взгрустнув о тех, кто умер. Вино приятно расслабило тело, но за окном уже давно было темно.

— Ладно, надо мне домой валить, — сказала я. — Теперь уж ты ко мне с ответным визитом так сказать.

— Ну, за мной не заржавеет, — заверила меня Ольга.

Мы решили вызвать такси уже на улице, так как мне хотелось еще немного посидеть во дворе. На лавочке под фонарем сидела толпа малолеток, и Ольга быстро обратила их в бегство зычным голосом и набором непечатных выражений. Хоть они и пытались огрызаться, её словарный запас русского народного победил. Мы сели на лавочку и я, поддерживая беседу, стала ковыряться в телефоне в поисках номера такси.

— Ох ты, черт, Лизка. Смотри — он домой вернулся! — прошипела Ольга, вцепившись мне в локоть. — С тренировки видимо. Ой, я не могу, держите меня семеро иначе я его сожру живьем.

Я подняла глаза, желая понять о ком она говорит, и натолкнулась взглядом на высокую мужскую фигуру у подъехавшей машины. Рослый, широкоплечий мужчина как раз закрывал дверь машины, держа в руке спортивную сумку. На нем была футболка с коротким рукавом и низко сидящие на узких бедрах спортивные штаны.

— Ромочка, добрый вечер! — пропела елеинным голосом Ольга глядя на него плотоядным взглядом.

Мужчина обернулся, и я натолкнулась на взгляд самых синих глаз, какие только, наверное, видела в жизни. Да, именно цвет глаз был тем, что я лучше всего о нем помнила. И это притом, что нас освещало только хреновенькое уличное освещение. Это было как шок, или удар под дых, прям как показывают в дурацких фильмах про любовь. Все вокруг замерло и сфокусировалось в этот момент для меня на этих глазах. Но мужчина быстро прервал этот поразительный контакт.

— Добрый вечер, Оля, — ответил он низким, хрипловатым и чувственным голосом. — Гуляешь?

— Да вот подружку старую домой провожаю. Сто лет не виделись. — Ольга толкнула меня в спину.

Синие глаза опять вернулись ко мне. Мужчина смотрел несколько секунд, затем нахмурился и тряхнул головой, словно отгоняя видение, и глаза его расширились.

— Лиза? Это ты? — его голос дрогнул, и он сделал несколько быстрых шагов по направлению к нам, словно готов был подбежать и выронил сумку.

Но потом видимо взял себя в руки и замер на месте, напряженно вглядываясь в моё лицо. Я молчала.

— Ну конечно это она, Ромочка! Узнал? — проворковала Ольга.

— Узнал, — почему-то хрипло сказал Рома.

— А вот я тебя ни за что бы не узнала, — отмерла я наконец и постаралась непринужденно улыбнуться.

— Ну еще бы! — губы мужчины растянула кривая усмешка человека, точно знающего как он выглядит и какое впечатление производит на женщин. — Ведь я несколько изменился. Не находишь?

— Нахожу, что очень изменился, — усмехнулась в ответ я.

Его присутствие странно напрягало меня, лишая уверенности и спокойствия. Рома прошелся по мне изучающим, чисто мужским взглядом, и его губы опять дернулись в усмешке.

— А я вижу, что ты все такая же красавица как и раньше, — как-то немного грустно сказал он и задержал взгляд на руке с телефоном и обручальным кольцом. — И, как всегда, не свободна.

— Ромочка, я ведь не зверек в зоопарке. Я всегда свободна, — усмехнулась я, окидывая в ответ его роскошное тело пристальным взглядом.

Когда я вернулась к лицу Ромы, его глаза потемнели и ноздри дергались от резкого дыхания. Охренеть! Ольга была права. Маленький, неуклюжий мальчишка превратился в такого...самца. Другого слова у меня не находилось при взгляде на этот образец идеальной мужественности. Все в нем было... ну вообще идеально. Именно так как надо. Как рисуется в наших бабских фантазиях. И в сочетании с тем животным магнетизмом и внутренней силой, что словно гравитационные волны расходилась от него, и его все понимающим взглядом и сексуальной ухмылочкой это было... это было реально опасно, в общем. Мой внутренний зуммер пропел " Надо валить отсюда, пока чего не вышло!". И надо сказать я с ним была вполне согласна. Этот мужчина не был моим неуклюжим дружком из детства, он был существом, заставляющим меня желать чего-то... спонтанного и необузданного что ли.

— Ладно, приятно было увидеться и вспомнить детство, но мне пора домой, — и я наконец нажала на вызов, собираясь вызвать такси.

— Что, муж ждёт, волнуется? — искривил свой чувственный рот Рома.

Да, черт его возьми, как я не пыталась, но не заметить какой у него рот я не смогла.

— Да нет, у неё муж смотался в командировку на десять дней, — некстати ляпнула Ольга.

— Лиз, зачем тебе такси? Давай я тебя отвезу, а то мало ли что! — неожиданно предложил Рома и шагнул еще ближе.

Ох, а вот этого не надо! Это уже перебор для женской психики, будь она хоть трижды морально устойчивая и замужняя. Мой бедный нос уловил запах этого мужчины. Смесь парфюма, геля для душа и самого мужчины. Реального, сильного, живого и стоящего слишком близко, нагло вторгающегося в моё личное пространство так, словно у него есть на это право.

— Нет, спасибо, это будет неудобно, — чуть попятилась я и стала диктовать адрес диспетчеру.

— Ты знаешь, есть много вещей действительно неудобных, но подвезти до дому девчонку, в которую был влюблен все детство, мне не кажется неудобным, — голос Ромы звучал неожиданно жестко, а глаза смотрели откровенно провокационно.

— Ну, я давно не та девчонка, — попыталась улыбнуться я, избегая смотреть ему в

глаза.

Но выходило только хуже, так как я тупо утыкалась взглядом или в его губы или в мускулистую шею, в то самое место, где сходились его ключицы. И отчего-то очень захотелось узнать какая на вкус его кожа в этом месте. Лиза, офигеть! Да, что с тобой такое?

— Да, не та, — синий огонь глаз обжигал, причем Рома даже не пытался скрыть откровенное желание, вспыхнувшее в его глазах. — Но и я ведь уже не тот мальчишка, что безропотно ходил за тобой по пятам и довольствовался взглядами.

— Ну что же, мы выросли! Аллилуйя! — я из чистого природного упрямства не отвела глаз, давая ему понять, что все понимаю, но у него нет ни шанса.

Этот безмолвный разговор длился пару минут, а затем Рома усмехнулся, словно говоря "Посмотрим" и опустил глаза к моей груди. Мы стояли и болтали, а он демонстративно пялился на мою грудь, иногда слегка касаясь кончиком языка нижней губы, и продолжая говорить своим обычным, словно бархатным голосом. Я понимала, что это откровенная попытка меня смутить, но, все равно, при каждом этом мимолетном движении словно чувствовала его язык на своих сосках, которые вдруг напряглись и стали слегка болезненными. Чееерт, как этот говнюк это делает?! А главное, почему я на это поддаюсь? Я сложила руки на груди, что бы спрятать то, как мои самовольные соски среагировали на эти его игры разума.

Наконец подъехало моё такси, и я спаслась бегством из-под прицела этих синих, наглых глаз. Ольга пообещала, что вскоре позвонит мне, и мы договоримся о встрече. Я обняла её на прощанье, стараясь игнорировать хищно загоревшиеся синие глаза.

Глава 2.

Суббота и среда — законные дни спортзала. Ну, нужно же поддерживать сколько-нибудь приличную форму. Мой зал был в двух кварталах от дома, и я всегда туда ходила пешком. Если честно, всем этим новомодным тренажером я бы с удовольствием предпочла обычную пробежку, будь рядом с домом хоть небольшой парк или на худой конец сквер. Но его не было и поэтому дважды в неделю я топаю в спортзал и занимаюсь на тренажерах.

Начала я как обычно с беговой дорожки. У меня нет привычки пялиться по сторонам, когда занимаюсь, поэтому я воткнула наушники, подстроила наклон дорожки и побежала. Выбила меня из привычного ритма какая-то суeta перед тренажером. Какие-то девицы то и дело мельтешили передо мной и кокетливо махали ресничками. Скосив глаза в ту сторону, куда они смотрели, я тут же сбилась и чуть не упала. На соседней дорожке с невозмутимым видом бежал никто иной как Рома. Его мускулистая грудь равномерно вздымалась под футболкой, и ноги двигались в четком ритме. Рома лучезарно улыбнулся и кивнул мне. Я отвернулась, наверно, слишком резко и выругала себя за потерю контроля. Какого черта происходит? Моё дыхание сбилось от раздражения и растерянности. Кое-как закончив с беговой дорожкой, я перешла к силовым тренажерам. Рома словно тень следовал за мной и постоянно оказывался рядом. Стоило мне повернуться, и он смотрел в другую сторону, как будто и вовсе меня не замечая, но как только я отворачивалась, то сразу чувствовала на себе взгляд синих глаз так же четко, как если бы он проводил по моей коже пальцами. От этого настойчивого взгляда опять в моем теле стали происходить некоторые процессы, которые не должны происходить с замужней женщиной от взгляда постороннего мужчины. Да какого черта! Со всеми это хоть когда-то происходит, но говорить об этом не принято. Это же стыдно, блин. И это жутко злило меня. На фиг он сюда приперся, таскается за мной по залу и делает вид, что не смотрит на меня, когда я уже чувствую как на спине в одежде дыры

прогорели. И как он узнал вообще, где я занимаюсь? Хотя может, я дура все себе накручиваю? Вчера он со мной общался просто отдавая дань детской памяти, и дальше общаться не обязан. Сюда мог просто попасть случайно, это хороший известный зал, уговаривала я себя, и ты тут вовсе ни при чем. Ага, только этот зал черт знает где от его дома, гадко умничало подсознание.

А еще жутко бесили все эти девицы и тетеньки не первой свежести, что теперь фланировали туда-сюда мимо потного Ромы и бросали на него похотливые взгляды. Боже, ну нельзя же так откровенно поощрять мужика. Разве не видно, что у него и так самомнение выше крыши?

Ну, я понимаю, что есть у него на что посмотреть, но все-таки! И я вовсе не пялюсь на него, для меня он не больше чем красивая картинка на рекламе спорттоваров. Я заставила себя отвести глаза от его мускулистого тела, от мокрой от пота кожи и отгородиться от резких выдохов которые он издавал, качаясь на силовых тренажерах. Мне ведь нет до этого никакого дела, правда? Господи боже, ведь дал же ты ему зачем-то такое лицо и тело? Зачем? Что бы быть вечным искушением для женщин? Я внутренне отмахнулась, решив подобные вопросы оставить без ответа. Как там говорят? В природе все взаимосвязано. Раз она порождает таких как Рома, значит это кому-то нужно. И судя по количеству озабоченных женских особей, то и дело дефилирующих мимо, нужно очень сильно.

Я закончила и пошла в сторону душевых и раздевалки. И понятно, что оглянувшись, заметила сзади высокую мужскую фигуру. Ну и догадайтесь с трех раз, кто это был?

Приняв душ и переодевшись, я выглянула в коридор. Ромы там не было. Ну и, слава богу. Но едва выйдя на улицу, я столкнулась с ним лицом к лицу.

— Привет, — расплылся он в радостной улыбке.

— Привет, — и я постаралась его обойти.

— Подвезти? — и он опять заступил мне дорогу.

— Нет, спасибо, мне тут рядом, — я упрямо обошла его и направилась в сторону дома.

— Ну что же, пешие прогулки это замечательно, — безмятежно заявил он и вдруг выдернул мою сумку у меня из рук и закинул себе на плечо.

Я резко остановилась и уставилась на нахала.

— Что? — обернулся он. — Тебе не попадались джентельмены или просто все твои мужики стремились носить женские сумки?

— Ром, какого хрена? — резко спросила я.

— Ты о чём? — его лицо оставалось безмятежно спокойным, но в синих глазах появился жесткий блеск.

— Что ты здесь делаешь?

— А ты разве не видела? Занимался, теперь провожаю тебя домой. Разве это не очевидно? — пожал плечами он.

— Как ты попал именно в этот зал? — не унималась я.

— Пришёл сюда за тобой, — он сказал это как нечто само собой разумеющееся.

— Как? Откуда ты узнал? — уже не на шутку раздражаясь, настаивала я.

— Ты даже не представляешь, сколько можно узнать о человеке, если внимательно рассматривать его фотки в соцсетях. Но ты задаешь все какие-то не те вопросы. Спроси лучше зачем.

— Зачем, Рома? — спросила я, уже зная, что ответ мне не понравится.

Неожиданно с его лица исчезли все следы веселости, и синие глаза полыхнули

настоящим, ничем не прикрытым голодом.

— Ты знаешь! — твердо ответил он.

— Да какого хрена вообще! — я вырвала у него свою сумку и быстро пошла вперед.

Но буквально через несколько шагов он обогнал меня и резко встал на моем пути. Я едва не уткнулась носом в его мощную грудь, и на меня лавиной обрушился его запах. И резкий отклик собственного тела на его близость, и этот чистый и дурманящий запах заставили меня в панике отшатнуться.

— Лиза, мы должны поговорить! — попытался он поймать мой взгляд.

— Да ладно?! — я упрямо обошла его. — Отвали, Рома.

— Нет. Это невозможно, — твердо ответил он, не отставая.

— Слушай, какого тебе на самом деле надо? — остановилась я.

— Ты знаешь, — опять упрямо повторил он и посмотрел исподлобья.

— Да ни хрена я не знаю! И знать не хочу! Уйди с дороги, пожалуйста, — уже более спокойно попросила я.

— Нет! — мотнул он светлой головой.

— Ром, я прекрасно понимаю, что ты, видимо, хочешь переспать со мной, я права?

— Да, — нисколько не смущаясь, кивнул он. — Но это далеко не все что я от тебя хочу. И близко даже не все.

— Ром, я замужем, — я произнесла это стараясь донести до мужчины четкое послание "У тебя нет шансов".

— Мои соболезнования твоему мужу, — нагло усмехнулся Рома.

— Черт, ты не хочешь понимать? Я замужем и я не собираюсь спать ни с кем кроме своего мужа. Это достаточно понятно? — ткнула я пальцем в его грудь.

— Я тебя прекрасно слышу, Лиза. Но это ничего не меняет. Ты будешь тр*хаться со мной, а по поводу сна тут уж как получится. — и на губах мерзавца расплылась самодовольная улыбочка так и говорящая "Мне не отказывают, детка".

Тут он поймал мой палец, резко поднес к своему рту и, обхватив губами, втянул внутрь. Я мгновенно отдернула руку, но по телу уже ломанулась волна жара. Вот козел!

— Я? Тр*хаться с тобой? — я просто задохнулась от такой вопиющей наглости — Да ты не охренел ли вообще? Ты голову давно проверял? Я сказала тебе — я замужем! — прошипела я ему в лицо.

— А я сказал, что мне искренне жаль твоего мужа, и по-мужски я его понимаю. Потерять такую женщину как ты — это охрененный удар ниже пояса. Но я, знаешь ли, эгоист и из чувства жалости делиться не собираюсь, — и Рома почти неуловимым движением обхватил мой затылок и быстро и жадно поцеловал меня.

Он сделал это так резко и отстранился так быстро, что я и среагировать не успела. Но его вкус на моих губах заставил меня задохнуться. Это был шок, словно меня саданули по затылку, и я потеряла ощущение реальности. И хотя длилось это буквально несколько секунд, я увидела в наглых синих глазах торжество от произведенного эффекта.

— Ты больной вообще, ты это знаешь? — яростно прошипела я. — Кто тебе дал право прикасаться ко мне?

— Все что у меня есть в этой жизни, хорошая моя, я взял или заработал сам. Так что мне не нужно ничьего разрешения, — дерзко усмехнулся мужчина.

— Ты просто обнаглевший говнюк с непомерно раздутым самомнением! Если тебе нужно кого-нибудь тр*хнуть, почему бы тебе не вернуться в тот спортзал? Там было до хрена

желающих запрыгнуть на тебя, жеребец! — заорала на него я, не заботясь, что нас могут слышать.

— Ревнуешь, Лизонька? Детка если мне будет нужно просто кого-нибудь тр*хнуть, мне даже с места сходить не надо, поверь, просто выбрать и поманить пальцем. Но ты так не нервничай. Мне только ты нужна и пока мы будем вместе я тебе изменять не собираюсь! — нагло рассмеялся этот придурок.

— Черт, Ромочка, а ты когда ходишь через губу не спотыкаешься?

— Нет, хорошая моя, не спотыкаюсь. И мне нравится, как ты меня Ромочкой назвала. Хочу что бы ты называла меня так, когда я буду глубоко в тебе, — прошептал он, опять наклоняясь к самым моим губам.

— Ты больной! — отшатнулась я.

— А ты повторяешься! Что так завелась, что мысли путаются? — продолжал ехидничать Рома.

— Слушай, отвали от меня! — топнула ногой я.

— Или что? Мужу расскажешь? Так я только за. Чем быстрее он узнает о наших отношениях, тем лучше. Это ведь будет честно по отношению к нему, правда? — Рома продолжал идти, нависая надо мной и шептать на ухо.

— Нет у нас никаких отношений и никогда не будет! Я люблю своего мужа! Все. Точка!

— Ага, запятая. Детка, я ведь еще не твой муж, но мне приятно, что ты меня любишь. Это все упрощает, — продолжал паясничать наглец.

Я резко остановилась и посмотрела прямо в эти наглые синие глаза. И не смотря на все клоунские ужимки, я увидела в них железную решимость и желание на грани смертельного голода. И на этот дикий коктейль моё подлое тело снова отозвалось волной жара и тянущей боли внизу живота. Черт, смотреть в эти глаза было ошибкой! С самого начала ошибкой!

— Я тебе не детка! — как можно жестче сказала я.

— Нет? Тогда как? Милая? Дорогая? Ну-у-у-у, нет! Желанная? Любимая? Просто моя? Котенок? Цветочек? Зайка? Пупсик? Или как в детстве Ромашка? Выбери любое подходящее.

— А что по имени слабо?

— Хорошо я буду называть тебя по имени когда буду тр*хать. А ты в ответ будешь кричать моё.

— Во-первых, перестань жрать ошизительные таблетки и предаваться фантазиям наяву. Тр*хать ты меня никогда не будешь. А во- вторых, даже если бы это и случилось, то при таком богатом опыте не боишься что в самый неподходящий момент имя перепутаешь? Для того весь этот зоопарк с зайками и котятами и нужен таким как ты?

— Ромашечка, поверь я мог бы перепутать чьё угодно имя и даже при этом не испытывать ни грамма раскаяния. Но когда это касается тебя, то можешь не бояться. Тебя я ни с кем не перепутаю. Ни спросонья, ни даже если буду в, мать его, коме!

И его яростно-голодный взгляд опять прошёлся по моему лицу и губам так, что меня просто жаром облило.

— Рома, оставь меня в покое, пожалуйста, — неожиданно хрипло сказала я. — Мне ничего этого не нужно. Вокруг полно одиноких женщин, которых ты можешь осчастливить своим вниманием. Я не из них. Ты мне не нужен.

— В самом деле? Попробуй убедить меня в этом еще разок, тогда, когда твои соски не будут так настойчиво требовать приласкать их. А то, знаешь ли, я от этого страстного

призыва твоего тела, на словах сосредоточиться не могу, боюсь слюной захлебнуться! — и Рома чувственно и плотоядно облизнул свои губы так, что меня словно разрядом шибануло.

Я опустила глаза и действительно увидела, что мои предательские соски торчат сквозь одежду как долбанные сигнальные буйки на ровной глади моря. Да охренеть вообще! Я вспыхнула от смущения и злости и понеслась к своему подъезду так, словно за мной черти гнались.

— Пошёл ты! — задыхаясь, заорала я.

— Можешь уже собирать вещи, Лизонька, — нагло хохоча, заявил засранец. — Хотя нет, брось все на хрен! Хочу тебя голую! Все что тебе нужно и все что захочешь я дам тебе сам.

Я яростно захлопнула дверь подъезда прямо перед носом вконец охамевшего засранца. Оказавшись в лифте, дала выход раздражению, заорав во всю мощь легких:

— Иди на хрен, придурок!!

В этот момент двери открылись, и я столкнулась нос к носу с сыном наших соседей, молодым парнем в бандане и с гитарой в чехле за спиной.

— Мощно! — ухмыльнувшись, прокомментировал он.

Мы поменялись местами, я вышла из лифта, а он вошел. Я подошла к двери и достала ключи. Парень же, имени которого я даже не помнила, вдруг остановил уже закрывавшиеся двери лифта и высунул голову.

— Эээ, знаешь, соседка, ты реально клевая. Давно хотел сказать, — и двери лифта захлопнулись.

Я вздохнула. Сегодня явно не мой день. Надо было вообще не выходить. Тут запел мой сотовый. Сашка.

— О ты решил вспомнить что у тебя есть жена? — не смогла я сдержать раздражения.

— Лиза, я никогда об этом и не забывал. И что за тон? Что ты такая злая? Случилось чего?

А да, милый, случилось, так и подмывало сказать меня. Милый белобрысый мальчишка — друг из моего детства превратился в оборзевшего роскошного самца и хочет поиметь меня. Да, и еще, он поцеловал меня, и я возбудилась от одного его взгляда и слов так, как будто пару лет голодала.

— Ничего не случилось. Немного перестаралась на тренировке. Сейчас полежу в ванной, и все пройдет. Как ты? Там весело?

— О да! У меня уже мозг кипит. А впереди еще столько дней. Хочу домой, к тебе под бочок. Скучаю по тебе, — только голос сухой, как по бумажке читает.

Черт, я уже видимо ко всему придраться готова. Надо остановиться и взять себя в руки. Я выдыхаю и отвечаю:

— Я тоже скучаю.

— Ладно, давай, меня уже зовут, — и муж отключается.

Ну вот, пара фраз и все. И вся любовь.

Сажусь на кухне и набираю Ольгу.

— О, привет! — вопит она в трубку.

На заднем плане опять орёт музыка, значит где-то тусит.

— Привет Оль. Как ты? С утра голова не болела?

— Ой, да брось. Что мы там вчера выпили-то. Смех один. Ты нормально добралась?

— Да хорошо все.

— Ну и ладно. А мы вчера с Ромочкой еще почти час болтали. И, представь, все время о тебе. Если бы не знала что вы стародавние друзья, то решила бы что он на тебя реально запал.

— А что, думаешь, не мог? — неожиданно даже для себя спросила я.

— Да нам с тобой о таких как он нечего и мечтать, Лизок! Ты ведь замужняя дама, на хрена ему такие трудности, если вокруг него бабы так и выются. Ты в интернете глянь с какими он на людях появляется. У него их целый табун, млять. И все модели и эти, как их... светские львицы, мать их. Ты у нас тоже краса неопикуемая, но я видела вчера, как он на твое колечко обручальное пялился. Для нашего Ромика это, видно, стоп-сигнал, — ага, знала бы ты подружка, где он видал эти стоп-сигналы.

— Да ладно, Оль, было бы о ком говорить. Ну, был милый мальчик Ромочка, ну, превратился в самовлюбленного кобеля и бабника, так это ж нормальный процесс мужской эволюции. Чего о нём говорить-то вообще?

— Ну, ты у нас замужняя, тебе может и не надо говорить. А я дама с некоторых пор свободная, так чего ж не поговорить то. Когда увидимся?

— А когда тебе удобно?

— Ну, давай в следующую пятницу. Твой же еще не вернется?

— Нет, только в воскресенье. Кстати можешь остаться на ночь у меня. Чего через весь город то переться?

— Ну, тогда лады! Я еще позвоню тебе!

Остаток дня я посвятила домашней работе, которую, как известно, никогда не переделать. Вечером, устроившись в постели, я всячески гнала от себя мысли о наглых синих глазах и дерзком рте, из которого постоянно сыпались все эти слова, которые должны были возмутить меня, но почему-то возбуждали. Я блин что, такая же больная как этот Рома?! Откуда он взялся на мою голову с этим потрясающим телом и такими резко очерченными, но такими мягкими губами. От воспоминания о мимолетном касании его губ к моему рту, меня вдруг бросило в пот, и тело налилось тягучей сладостью. Вот урод! Он ведь именно этого и добивался наверняка. Только зачем? Сон никак не шёл. Я вертелась так, словно простыни были раскаленными. Металась в ловушке собственных мыслей. Это ведь всегда так. Чем больше себе приказываешь не думать о ком то или о чем, тем упорнее эти мысли лезут в твою голову. Словно мерзкие тараканы. Стоит прихлопнуть одну, а тут на её месте уже две новых. Да еще резвее и красочнее прежней. Когда я наконец отключилась, не знаю. Знаю только, что приснилось мне, что муж ласкает меня, как обычно по уграм, прижавшись сзади и потираясь о мою попку своим членом. Его руки скользят по обнаженной коже, а язык облизывает моё ухо и нежно прикусывает за мочку. Тело дернулось, выгибаясь и теснее прижимаясь к мужской твердости.

— Я так давно хочу тебя, Лиза-а-а-а! — стонет голос совсем не мужа мне в ухо.

Я хочу вырваться, но мужские сильные руки намертво прижимают меня к мощному телу. И я вся уже такая влажная и горячая, что от этого властного удержания буквально теряю волю и сама трусь об его член, такой гладкий и твердый, пульсирующий прямо между моими ягодицами. Мужчина сзади рычит и впивается в моё плечо зубами, желая удержать меня на месте, и тут же врывается сзади одним мощным и беспощадным движением. Уже одно его вторжение приводит меня на край. А когда он начинает двигаться быстро и сильно, словно наказывая меня за что-то и издавая при каждом движении звуки, говорящие о крайней степени наслаждения, моё тело начинает трястись и сокращаться вокруг него.

Я подскочила на постели вся потная и чувствуя внутри затухающие спазмы от оргазма. Дожилаясь! При живом муже кончаю во сне, да еще и ладно бы снился какой-нибудь актер или демон секса воображаемый. Так нет же, снится абсолютно конкретный наглый мерзавец, самовлюбленный бабник и кобель, и, по совместительству, милый мальчишка из моего детства, прочно засевший в моей голове. Хотя чего я мучаюсь. Как там любят говорить эти психологи? Мой бедный мозг пытается переварить полученную за день информацию и... И что И? Чего мозг мой переваривая её варит чего-то не то. У него настройки по перевариванию сбились, видимо. Избив подушку в раздражении, я повалилась на постель и вскоре заснула уже сном без сновидений.

Глава 3

Утром я едва смогла продрать глаза. Хорошо, что воскресенье. Я сегодня обещала к маме с папой на обед приехать. Ползу в душ. После завтрака обзваниваю подруг. Ленка предлагает немного посидеть в нашем любимом кафе сегодня вечером. Договариваемся на восемь. Смотрю на часы. Пора начинать собираться, а то пока доеду через полгорода как раз и обед.

Когда вхожу в квартиру родителей, что-то неожиданно настораживает меня. Чужой голос, глухо доносящийся из зала? Запах уже знакомого парфюма?

Мама буквально выбегает мне навстречу.

— Лизонька, здравствуй, доченька! Ты даже не догадываешься кто у нас сегодня в гостях!

— Правда, что ль? — натягиваю я улыбку, уже точно зная, кого увижу.

Мама впихивает меня в зал, где установили почти праздничный стол. Уж не в честь ли "дорогого гостя" столько суеты? По поводу обеда со мной уж точно так заморачиваться не стали бы. Наглые синие глаза смотрят на меня с другого конца комнаты, где мой отец что-то вдохновенное ему втирает, демонстрируя одно из своих ружей. Мерзавец кивает и поддакивает, не сводя глаз с меня.

— Ромочка, вот и Лизонька пришла! Это вы сколько же лет не виделись? — радостно пихает меня в спину мама. — Лиза, что ты, это же Рома Соринов, сосед наш бывший!

Я молчу, обещая взглядом Ромочке разнообразные варианты убийства. Мне не принципиально. Главное что бы были с расчленением. В ответном взгляде же только безмятежное веселье. Ну-ну, веселись, Ромочка, пока можешь!

— Тринадцать лет! — отвечает он.

— Ты представляешь, Лизонька, папа сегодня утром пошёл в магазин за хлебом и надо же к нему подходит молодой человек и говорит "Вы случайно не Михаил Ромашин?!"

— Случайно? — язвительно спрашиваю я.

— Совершенно! Представляешь, какая удача! — изображает радостного идиота Рома.

— Так вот, папа удивился, конечно, — продолжает невозмутимо свой рассказ мама — Но Рома представился. Папа так обрадовался, тут же вспомнил прошлое, даже прослезился! И сразу же пригласил Рому к нам на обед сегодня. Правда, замечательно? Вы же когда-то были не разлей вода!

Да, так и захотелось сказать мне, только тогда папочка считал Рому недостойной компанией для его доченьки. А теперь если Ромочка ездит на крутой тачке и одевается от лучших домов, то конечно можно и на обед его пригласить! И даже мне ничего не сказать! Я бы срочно заболела, или на строгую диету села, исключаящую посещение семейных ужинов на фиг!

— А что же ты, Ромочка, — и губы мерзавца расплылись в чувственной улыбочке при звуке своего имени, — делал в этом районе с утра пораньше?

— Я как раз домой, знаешь ли, собирался. От своей девушки, — синие глаза дерзко блеснули, явно желая понять какое действие произведут на меня слова о наличии у него девушки.

А никакого, обломайся!

— Девушка это хорошо! — радостно начинаю улыбаться я. — Девушка это просто замечательно! Только в твоём возрасте у других уже жены есть.

— Ну и у меня скоро будет! — уверенно заявляет наглец.

— Правда? — поднимаю брови я. — Так это же просто здорово! На свадьбу пригласишь?

— Уж в этом не сомневайся, Лизонька. Ты там точно будешь, — и снова этот самоуверенный взгляд и тон.

— Класс, люблю свадьбы. Только ты же смотри — мне пригласительный на двоих. Я ж без мужа по таким мероприятиям ни-ни. Мало ли, вдруг кто приставать начнет.

Лицо Ромочки моментально помрачнело и глаза сузились.

— А ты не переживай. На ЭТОЙ свадьбе к тебе точно никто пристать не рискнет!

— Так, ребятки, пора за стол. Рома, идите мыть руки, а то Миша со своими ружьями вон вас в масле изгваздал. Лизонька, проводи гостя.

Тоже мне гости, в попе гвозди! Звал его кто! А я будто и не гость вовсе!

Я пошла вперед, показывая дорогу в ванную. Небось, и сам не заблудился бы, гость недоделанный. Я только вошла в ванную что бы достать из шкафчика полотенце, как вдруг дверь резко закрылась за нами, и я оказалась как кукла развернута и зажата между раковиной и большим горячим мужским телом. Я собралась возмутиться такой наглостью, но Рома буквально впился в мой рот, удачно используя то, что я открыла его в возмущении и закрепляя свой успех агрессивными движениями своего языка и прикусывая мою нижнюю губу. Он удерживал мою голову за затылок, не давая опомниться, и безжалостно сминал мои губы, бесстыдно вторгаясь своим языком, облизывая, всасывая, подчиняя. Одновременно он терся об меня всем своим телом, создавая эффект присутствия везде, на каждом сантиметре моего тела.

Его атака была столь стремительной, а моё раздражение на него столь сильно, что это сыграло со мной злую шутку. Я яростно ответила на его поцелуй раньше, чем сообразила, что вообще творю. Моё тело словно взорвалось фейерверком новых ощущений и вкусом его рта и тяжелая, густая волна желания покатила вниз по моему телу, заставляя бедра бесстыдно тереться об него. И пусть это длилось лишь мгновение, но Рома сразу же почувствовал мой отклик и глухо и голодно застонал в мой рот, мгновенно становясь твердым и до боли вжимаясь в мой живот. Я опомнилась через секунду, но уже было безумно поздно. Самовлюбленный мерзавец уже прочитал все что ему нужно в непроизвольной реакции моего тела.

Я резко отпихнула его от себя.

— Ты совсем охренел? — яростно зашипела я на него.

— Не знаю точный медицинский термин, Лизонька, но "охренел" это явно не то, что сейчас со мной происходит. Хотя про "совсем" это ты права. Я так безумно хочу тебя, что уже совсем близок к тому, что бы совершить нечто противоправное. Тебе нравится доводить меня до самой грани? Ты любишь такие игры? — он тяжело дышал, его глаза

сузились, прожигая меня насквозь, а лицо стало хищным.

— Я никуда тебя не довожу! И не во что с тобой не играю! Ты просто псих! Вали к своей девушке. Если ей нравятся такие игры, то с ней и играй! Отвали от меня! Я тебя не хочу и никогда не захочу! У меня есть муж! Я его люблю!

— И поэтому ты целовала меня так словно я последний глоток воздуха и терлась об меня как течная кошка? Хочешь, я сейчас засуну руку в твои трусики и, уверен, ты окажешься там совершенно мокрой?

— Боже, ты, правда, совсем чокнутый! — попятилась я не желая признавать что на этот раз он совершенно прав.

Я текла так, как, наверное, никогда за все время с Сашей. Даже в начале наших отношений. Да пожалуй, никогда в жизни. И от этого стыд буквально брал меня за горло лишая воздуха.

— Да, я чокнутый! Помешанный! На тебе Лиза!

— Отвали! — прошептала я и вывалилась из ванной.

Мы расселись за столом. Мама хлопотала, как всегда желая убедиться, что накормит всех до отвала. Папа открыл вино, но я отказалась, разумно полагая, что алкоголь может сыграть со мной злую шутку, когда я в таком состоянии, и я сорвусь и наговорю лишнего. Рому усадили напротив, и теперь он улыбался улыбкой счастливого идиота, не сводя при этом с меня взгляда в котором весельем и не пахло. Я же смотрела куда угодно только не на него.

— Доченька, а чего ты отказываешься от вина? Папа твоё любимое купил, — удивилась мама.

— Э-э-э, ты знаешь, я воздержусь. По некоторым причинам, — пожала я неопределённо плечами.

На секунду воцарилась тишина, затем раздался радостный возглас мамы.

— Ну наконец-то, Лиза! А то сколько же можно с детьми тянуть!

Вот ведь как загадочно у моей мамы мозг работает. Стоит отказаться от бокала вина за обедом и сразу хоп! — и ты уже беременна.

Я уже открыла рот что бы возразить, как вдруг заметила как напрягся напротив Роман. Черты лица словно окаменели и глаза налились гневом. Ага, кажется волшебное слово "беременность", кошмарный сон всех холостяков, и тут работает безотказно. Ну тогда повременим с откровениями и может проблема в виде якобы влюбленного мачо рассосется сама собой под действием этого чудного слова — пугача.

— Ох, а мы-то уже как внуков жаждали! Пять лет ведь почти уже живете как-никак! Эх, Мишенька, налей мне пополей, в честь такой радости! Ромочка, выпьете с нами за такую радостную новость?

Ненавижу врать родителям!

— Мама, ну еще ничего определенного, — промямлила я, пытаюсь как-то смягчить будущие последствия.

— Простите, я не пью, — довольно резко ответил Рома, уже не глядя на меня.

— За рулем? — деловито осведомился отец.

— И это тоже, — кивнул Рома. — Но в основном не хочу искушать свою дурную наследственность. Уж вы-то знаете о том, что моя мать была запойной. Да и отец, когда выходил после отсидки, почти не просыхал.

Мне неожиданно стало больно от его жесткого тона, и я вспомнила его вечно пьяную

мать и их с Колькой всегда полуголодных и неухоженных. Я перевела взгляд на Рому, желая показать, что мне безумно жаль его загробленного детства. Но натолкнулась на жесткий, агрессивный взгляд. Ему явно не нужна была моя жалость.

— Ну, тогда вдвойне приятно видеть, что ты, Ромочка, не смотря ни на что, вырос таким сильным и успешным человеком, а не пошёл на поводу у обстоятельств, — тепло сказала моя мать, и ей он улыбнулся с искренней благодарностью. — Гордись собой, сынок!

Отец с мамой выпили за "приятное известие" и застольная беседа пошла своим чередом. Стали вспоминать жизнь в старом дворе, а точнее в основном все те проделки, которые мы устраивали раз за разом. Потом почему-то плавно перешли на пересказ моих многочисленных выходок. Я уткнулась в тарелку и молчала, зато Рома засыпал моих родителей многочисленными вопросами, хохотал, делая вид, что ему безумно интересно, что же из моих "подвигов" в детстве ускользнуло от его внимания.

— Я всегда знал, что ты любишь животных, Лиза, но что бы настолько! — смеялся он после очередного компромата на меня любезно предоставленного моей мамой.

Я скрипнула зубами, но промолчала. Что, кроме как обо мне, и поговорить больше не о чём?

— Ой, Ромочка, вы еще столько не знаете! — заливалась мама соловьем. — Вот приехал Миша как то с рыбалки и вывалил мне в таз улов из рюкзака. А Лиза то, естественно, тут как тут! Она с Мишей на рыбалку ездила с самого малолетства, ей и сейчас дай удочку в руки и все — пиши пропало, от воды не оттащишь! Так о чем это я? Ах, да. Так вот, я смотрю тогда и помню, что среди рыбы была большая такая щука! Стала чистить да мыть — нет щуки. Поискала — нет нигде. Ну, думаю, может и причудилось. Так вот, спустя несколько дней чувствую в комнате у неё какой-то запах неприятный, прямо скажем. Я и туда заглянула и сюда — ничего не пойму! А запах-то все сильнее! Ну я и позвала Мишу и попросила отодвинуть диванчик на котором она спала. А там, батюшки мои! Та самая щука, уже вся вздувшаяся и вонючая, головой в детское пластиковое ведро воткнута и вокруг все шоколадной крошкой обсыпано, видно кормила Лизка её!

Надо было видеть, как ржал этот чокнутый, ну натуральный конь!

— Вы же запретили мне аквариум! — огрызаюсь я.

— Да, досталось ей тогда от отца, неделю присесть не могла!

— Да это еще что! — решил вставить свои пять копеек и папа. — А когда она после возвращения из деревни сперла магазинные яйца из холодильника и, завернув их в тряпку, заныкала за батареею что бы, видишь ли, цыплята вывелись?

Мама всплеснула руками.

— А то! Я же когда убирала в её комнате через месяц, а то и более, увидела, что угол тряпки какой-то из-за батареи выглядывает. Ну я недолго думая и дернула за него. А оттуда тухлые яйца как посыплются и все разбились. Ох, повезло тебе, Лизка, что ты в тот момент в школе была, а когда пришла, я поостыла!

Я неопределенно промычала, вспоминая, как моей многострадальной попе обошлось это "везение".

Рома уже не просто ржал. Он стонал и вытирал слёзы, закатывая глаза. Я тоже с трудом могла сдержать улыбку при виде его такой реакции на рассказы моих родителей.

— Значит, ты у нас стремилась обзавестись хозяйством? А я думал всегда, что ты чисто городская девушка и сельские радости тебе совершенно чужды.

— Ну, это показывает то, что ты меня совсем не знаешь, — не преминула укусить я.

— Ну, это ведь легко исправимо, — парировал Рома.

— Что вы, Ромочка! Это сейчас она у нас вся такая городская! Сашенька наш ведь вечно занят, они-то и за город, наверное, уже сто лет не ездили. А в детстве Лизу от бабушки из деревни можно было только волоком забрать! Мы её в электричку вносили так, что весь народ на перроне покато́м лежал. Пря́м как в том старом мультике, когда Баба-Яга мальчика в печку совала. Мы её туда — а она руки-ноги в стороны растопырит и в двери как клеш впивается — не оторвешь!

Вот спасибо, мама родная, болтун находка для шпиона называется. Вон как Ромочка весь подобрался при упоминании о Саше и его вечной занятости. Словно охотничий пес стойку сделал.

— Мам, я давно выросла и далась мне эта деревня!

— Да ладно, Лизонька! Рома ведь свой человек, знает тебя. Думаешь, я не слышала, сколько раз ты просила Сашеньку свозить тебя на выходные к бабушке, или просто в лес?

— Мама, Саша работает! Ему некогда! — с нажимом произнесла я.

— Все, молчу я! — надулась мама, Рома опять весь напрягся. — Я ж ничего против не имею. Сашеньку мы очень любим! Лучшего для тебя и желать нельзя! Понимаю, что он очень целеустремленный, но мне иногда кажется, что ты у меня такая одинокая, Лизонька.

Так все хватит! Достали меня уже одни и те же разговоры по кругу. А тем более, когда сейчас напротив сидит этот хитрый засранец и ловит каждое слово и эмоцию на моем лице.

— Мама, я не одинокая! У меня все прекрасно! У нас с Сашей все прекрасно! И давайте закроем эту тему! И вообще мне пора уже, я с девчонками в кафе встретиться. Я договорилась! Тебе помочь убрать со стола, мам? — я решительно поднялась.

Напротив моё движение зеркально повторил Рома.

— Не надо мне помогать — явно обиделась мама. — Я же о тебе беспокоюсь! Нельзя все время только работать! Что за семья, если вы всегда поврозь! Давно тебе пора уволиться и ездить с ним везде.

Я поцеловала мать в щеку.

— Спасибо. Все было очень вкусно, как всегда!

— Я подвезу тебя! — тут же влез Рома. — Большое спасибо, тетя Валь, было и правда безумно вкусно. Дядя Миша, искренне благодарен за приглашение. Давайте теперь вы ко мне в гости, а? Я сам конечно не готовлю, но домработница у меня просто волшебница!

Я не стала дослушивать, чем там все дело кончиться и пошла обуваться в прихожую. Следом вскоре вывалились все, и мама облобызала Рому на прощание. Я закатила глаза, когда она чуть дернула меня за ухо и поцеловала в щеку.

— Ты уж довези её, Ромочка! — попросила мама.

— В этом можете и не сомневаться. Довезу, — как то почти угрожающе сказал Рома, или мне из-за нервов уже чудиться.

Я не стала при родителях говорить, что хрен сяду к нему в машину. Мы все тепло распрощались и вышли из квартиры. Я решительно направилась в сторону лестницы, не желая оказаться запертой наедине с Ромой в крошечном пространстве лифта. Это было бы уже чересчур сегодня. Но он резко схватил меня за локоть и притянул почти вплотную к своему телу.

— Лиз, ну не дури! — сказал он мне в затылок, нажимая кнопку лифта. — Не собираюсь я набрасываться на тебя в вонючем лифте и тр*хать у стены до потери сознания. Хоть и очень хочется.

Его слова и дыхание у меня в волосах заставили резко и сладко сократиться мышцы внизу живота. С каких таких пор у меня там собственные уши и мозги, реагирующие отдельно от моих собственных?

Я выдернула у него свой локоть.

— Вот как? А вот в ванной мне так не показалось!

— Прости, просто не видел тебя почти сутки и не смог сдержаться! — усмехнулся он, впихивая меня в открывшийся лифт.

— Ром, до этого ты меня не видел тринадцать лет и ничего, прожил как то, — я отступила подальше и развернулась к нему лицом.

Но естественно наглец шагнул ближе и, поставив свои мощные руки по обе стороны возле моей головы, склонился и с нескрываемым наслаждением уткнулся в мои волосы.

— Просто был дураком, забыл за всей суетой, что для меня главное и потратил уйму времени впустую, — пробормотал он и продолжал вдыхать так, словно не мог надышаться.

Он нигде не прикасался к моей коже, и все равно, это было так интимно и волнующе, что я едва смогла сдержать дрожь, прокатывающуюся по телу от его дыхания.

— Как ты здесь-то оказался? — спросила я, что бы хоть о чем-то говорить и не погружаться в это странное чувство.

— В этот раз все действительно вышло совершенно случайно. Отца твоего увидел, когда он в магазин заходил и узнал. Веришь? — хмыкнул Рома мне в волосы.

— С трудом. Ром, зачем ты все это делаешь? — почти умоляюще, тихо спросила я.

— Ты знаешь, Ромашка. Ты все прекрасно знаешь! — грустно вздохнул он.

Двери лифта открылись и мы вышли.

— Ладно, я пошла, — я решительно направилась в сторону остановки.

— Стоять! — рявкнул Рома. — Я пообещал твоим родителям, что отвезу тебя, и я это сделаю!

— А я говорю, что никуда с тобой не поеду! — встала я в позу.

— Лиза, я пообещал твоей матери и выполню обещание, даже если придется тебя в машину силой запихнуть. Так что выбирай или идешь сама и красиво садишься в роскошную машинку. Или я закидываю тебя сейчас на плечо, несу и все равно запихиваю в ту же самую машинку. И это будет совсем не красиво, зато в процессе у меня будет возможность как следует тебя облапать. Ну, так как?

— Я закричу!

По лицу наглеца расплылась такая похабная улыбочка, что меня затрясло от злости.

— Да, моя Ромашка! Я надеюсь, что ты будешь кричать громко! Но только не здесь и не сейчас.

Боже он просто невыносим!

— Где твоя долбанная машина? — яростно прошипела я.

— Прощу! — указал Рома на реально роскошную иномарку.

Усевшись на переднее сиденье, я злобно посмотрела на него.

— Кафе "Каприз" пожалуйста, таксист!

— Да, Лизонька! — расплылся в улыбке наглый шантажист. — Ты же знаешь, что и этот каприз и любой другой! Все, что захочешь, только попроси! — довольно пропел он.

— Черт, знаешь, чего я не могу понять, Рома?

— Чего, моя хорошая?

— Ты охрененно выглядящий, взрослый, сексуально привлекательный мужик. Почему

ты ведешь себя со мной как реально озабоченный подросток, которому никто не дает, и во мне последний шанс лишиться девственности увидел?

— А вот ты и попалась! Ты считаешь меня охрененно сексуальным! И я же не виноват, что при взгляде на тебя я опять чувствую себя озабоченным подростком! Уж так ты на меня действуешь, Лизонька! — подмигнул мне Рома.

— А, типа, это должно мне польстить и невероятно обрадовать?

— Ну, согласись, это лучше чем, если бы при взгляде на тебя я начинал сосать палец и мочиться в штаны? Хотя я не отказался бы от того что бы ты поменяла мне штанишки! — рассмеялся неугомонный нахал.

— Ты просто невыносим! — не смогла я сдержать улыбки.

Вскоре он притормозил около "Каприза". Я быстро выбралась из машины.

— Ну, все. Давай, пока! — и я быстро пошла в сторону входа.

Но тут мне на талию властно легла его рука.

— Нет уж, я провожу тебя до места.

— Рома, ну хватит уже, на нас люди смотрят! — возмутилась я, пытаюсь освободиться.

Я увидела, как сквозь большие стеклянные окна кафе на нас, застыв с открытыми ртами, уставились мои подруги.

— Вот и не дергайся, привлекая лишнее внимание! — крепче прижал меня к себе этот наглец.

— Я убью тебя, Ромочка. — прошипела я. — Жестоко!

— Я не против, если моя смерть случиться от истощения в постели! Согласен на много-много жестких и потных телодвижений! — выдохнул он прямо мне в ухо, посылая толпы мурашек.

Мы вошли в кафе и остановились перед столиком, за которым сидели девчонки.

— Всем привет! — как можно беззаботней сказала я, плюхаясь на лавочку.

— Добрый вечер, девушки, — промурлыкал Рома, одаривая моих зависших подруг сбивающей с ног сексуальной улыбочкой. — Вот доставил Лизу в целости и сохранности!

— О-о-о! А-а-а, — отмерла наконец растекшаяся лужей Ленка. — А ты не представишь нам своего друга, Лизонька?

— Нет! — невежливо отрезала я. — Он все равно уже очень торопиться!

— А вот и нет! — и Рома бесцеремонно уселся рядом, вынуждая меня подвинуться. — До пятницы я совершенно свободен! Меня зовут Роман и мы с Лизой о-о-о-очень старые друзья! Правда, Ромашечка моя?

И из его уст это прозвучало настолько двусмысленно, что мне осталось только закатить глаза на вопросительно-обвиняющие взгляды подруг.

— И где же это Лиза умудрялась вас столько от нас прятать? — ну да, Катька тоже тут же врубила режим охоты.

— За пазухой! — огрызнулась я и с нажимом спросила. — Ром, тебе разве никуда не надо?

— Не-а! Я с удовольствием составлю компанию таким милым дамам, если вы конечно не против? — невинно взмахнул он своими густыми ресницами. Вот ведь засранец.

Естественно, в ответ ему дуэтом ответили мои подруги как они "не против" его общества.

— Ты испортил мне обед у родителей, а теперь и до подруг моих добрался? — прошептала я, склонившись к его уху.

— М-м-м-м. Как приятно, — так же тихо мурлыкнул этот наглец резко прижимаясь ухом к моим губам, прежде чем я успела отстраниться. — Делай так почаще.

Мне осталось только сидеть и наблюдать, как он обольщает моих подруг, проявляя чудеса остроумия и галантности, а они растекаются лужами карамели под его синими глазами. Высидев так около двух часов, наблюдая за всем этим цирком, я больше не выдержала и поднялась.

— Ладно, народ. Веселитесь дальше, а я домой. Мне завтра на работу! — и многозначительно посмотрела на Ленку.

Естественно моя подруга поняла меня без слов, хотя я и видела тень удивления в её глазах. Вариант с техничным избавлением от навязчивых поклонников у нас был давно отработан, но сегодня моя подруга, видимо, не совсем меня понимала. В её глазах так и читалось "Ты уверенна?". Я кивнула.

— Я подвезу тебя, — тут же подорвался Рома.

— Я отсюда пешком, тут через дворы пара минут, — и я подняла брови, призывая Ленку действовать.

— Да, Роман, Лиза прекрасно дойдет сама, а вы останьтесь еще с нами! Вы такой замечательный собеседник! — И она впилась в его руку через стол.

— Да, да, Роман! — и Катька тут же втиснулась на моё освободившееся место и вцепилась в его предплечье наманикюренными пальчиками и заканючила. — Нам без вас будет так скучно!

Пока Ромочка придумывал как освободиться из цепкой хватки моих подруг, я быстро выскользнула из кафешки и ушла домой.

По дороге набрала Сашку. Но он не ответил. Стало почему-то обидно. Я тут можно сказать противостояю искушению, а ему и пару слов сказать жене трудно. Подавляя растущее раздражение, убедила себя, что Саша увидит мой не отвеченный и перезвонит позже. Но, ни сегодня, ни на утро муж мне не перезвонил.

Глава 4.

Мои сны сегодня опять были далеки от целомудрия. Синеглазый нахал, отравлявший мне весь прошлый день, не оставил меня в покое и ночью. Сначала мне снилось, что мы сидим в старой беседке в нашем дворе, той самой, в которой мы проводили столько времени в детстве. На улице смеркается и Рома обнял меня со спины, прижимаясь всем своим сильным, теплым телом. Словно окутывая меня всю. Он уткнулся лицом мне в волосы и, тяжело вздохнув, прошептал:

— Я так скучал, хорошая моя. Я так сильно скучал.

Мы так и сидели, не шевелясь, не лаская друг друга, но в этом простом объятии было столько пронзительной интимности и теплоты, что я проснулась от боли в сердце. Я притянула к себе подушку мужа, утыкаясь в неё лицом и пытаюсь прогнать из своей головы другого мужчину, которому там совсем не место. Чувствуя себя из-за этих снов какой-то предательницей, я стала вспоминать наши лучшие моменты с Сашей. Первую близость, день, когда он сделал мне предложение, нашу свадьбу. Хотя нет, день свадьбы был настоящим кошмаром, как и вся неделя перед ней. Наверное, именно тогда я впервые почувствовала, что начинаю делать не то что хочу или что мне нравится, а то, что от меня ожидают другие. Начинаю оглядываться по сторонам и думать все ли сделала правильно? Неужели уже тогда я сменила вектор своей жизни с настоящего стремления к тому, что действительно люблю, на постоянное желание соответствовать представлению других о том, какой я должна быть?

Или все началось гораздо раньше?

Я подумала о нашей близости с Сашей в последнее время. Почему мы потеряли ощущение общего счастья, что испытывали от неё раньше? Тогда все получалось само собой. А сейчас мы словно два плохо настроенных инструмента. Точнее, настроенных не на друг друга. Вроде и каждый из нас хочет и старается доставить наслаждение другому, но мы словно не попадаем в ритм друг друга. Или так, как будто мы заменили чувства и эмоции прилежным старанием. Но как не старайся все выходит как-то не впопад и не вовремя. Больше нет этой волны, что подхватывала и кружила, заставляя задыхаться, двигаться в едином ритме, сливаться в одно целое.

Может это от того, что мы так мало времени стали проводить вместе. Когда мы видимся? Полчаса перед работой? Час-полтора вечером после работы и это в том случае если Сашка не приходит тогда, когда я уже сплю. По субботам он тоже вечно занят. А теперь еще и эти командировки. Да, у нас остается еще воскресенье. Сашка отсыпается полдня, потом начинаются звонки, и остальную часть дня мы общаемся практически как глухонемые — знаками. Он, с вечным телефоном у уха, с какими-то бумагами в руках, показывает что бы ему хотелось, а я киваю как китайский болванчик. Да, есть еще вечер воскресенья, когда мы молча валяемся перед телеком. Сашка гладит мою спину и волосы. Мы занимаемся любовью перед сном. Без особой страсти, а скорее потому что заняться этим не спеша не будет возможности целую неделю. Опять вязкая рутина, что незаметно пеленает тебя по рукам и ногам, лишая чувств, приглушая краски и звуки.

Неужели это и есть то самое "и жили они долго и счастливо"? Это монотонное существование, без взрывов и потрясений, без надрыва и риска, но и без особых эмоций. Тогда понятно почему "умерли в один день". От тоски видимо. Или от скуки.

Сон опять пришёл незаметно. И вот опять я чувствую сильное тело, прижавшееся ко мне сзади. Горячее, живое тело, вжимающее меня в стену, распластывающее меня своим напором и обжигающей силой неприкрытого вожделения. Обе мои руки прижаты у меня над головой в крепких тисках длинных мужских пальцев. И в этот раз я совершенно точно знаю, что это не Саша. Вторая рука Ромы жадно и бесцеремонно блуждает по моему телу, заставляя оживать всю мою кожу в желании продлить эти дерзкие ласки. Рука замирает на моем обнаженном животе так близко, и все же не касаясь.

— Я чувствую, как ты пахнешь! Ты уже вся влажная для меня! — хриплый шепот и зубы прикусывают мочку моего уха

Я вскрикиваю и выгибаюсь, вжимая свою попку в жесткую, раскаленную восставшую плоть. Рома стонет в ответ и его бедра дергаются мне навстречу, плотнее прижимая меня к стене и давая кожей ощутить каждый, твердый как камень, сантиметр его уже полностью готового члена.

Он целует мои плечи и шею, и эти поцелуи сначала нежные и влажные, становятся все жестче. Почти укусы, оставляющие горящие следы на коже, кричащие о том, что он на пределе, что его потребность во мне уже просто невыносима.

Я извиваюсь, пытаюсь вырвать руки из цепкого захвата его пальцев. Я хочу сама прикасаться к нему. Хочу гладить и царапать его кожу, хочу почувствовать движение его мускулов под гладкой кожей. Хочу смотреть, как его глаза стекленеют от наслаждения, а лицо искажается в первобытной муке наслаждения.

— Отпусти, — шепчу, — пожалуйста!

— Нет! — хрипит он мне на ухо и вдруг резко проскальзывает пальцами в мое опухшее,

исходящее влагой лоно, и я давлюсь судорожным вздохом.

Всего несколько движений его сильных и уверенных пальцев, и я бьюсь как пойманная птица, извиваюсь, заходясь громким стоном. Все мои ощущения сейчас сконцентрированы на движениях этих сильных и нежных пальцев. Я дергаюсь, подаваясь им навстречу, желая найти свое освобождение, уже скрутившее меня острой необходимостью. Хнычу, умоляю, трюсь и извиваюсь.

Вдруг нежные и дразнящие движения пальцев становятся жесткими, почти беспощадными.

— Кончи для меня. Давай, я хочу это почувствовать, — в шепоте почти животное рычание и зубы опять впиваются в мочку моего уха.

И я кричу и дергаюсь так, словно через меня пропустили электрический ток. Это продолжается так невыносимо долго, лишая меня всех сил, и я повисаю в сильных руках.

— Да, вот так. Именно так и должно быть, — напряженный шепот и жадное, прерывистое дыхание стоят в моих ушах, когда я опять открываю глаза в темноту.

Между моих бедер настоящий потоп, а во рту сухо как в Сахаре. Я чувствую себя развратной сукой и подлой тварью от того, что приятное расслабление растекается по моему телу от влажного центра до кончиков пальцев, и опять проваливаюсь в сон.

Въевшийся под кожу звук будильника возвещает о том, что уже настал понедельник.

Чищу зубы, внимательно всматриваясь в лицо женщины в зеркале. Усмехаюсь. Программа запущена, четкие до автоматизма отработанные движения. Ни одного лишнего. Так словно я их для чего-то экономлю. Так словно их количество ограничено каким-то лимитом. Словно, начни я просто танцевать перед этим зеркалом, рухнет потолок.

Смотрю на свои обычные деловые костюмы. Очень элегантные и лаконичные. В них я выгляжу очень собранной и деловой. Холеной сукой, в общем. И это всегда нравится Саше.

Плечу и достаю белое платье. Оно простое, облегает фигуру, чуть выше колена и мне всегда нравилась его мягкая трикотажная ткань. Я его не одевала уже сто лет. Смотрю на себя в зеркале и распускаю волосы. Офигеть, как же давно я так не выглядела.

В маршрутке поймала взгляды мужчин-попутчиков. Интересно, они раньше не смотрели или это я ничего не замечала? Уже когда иду от остановки к офису, звонит телефон. Наконец-то Сашка соизволил вспомнить обо мне! Достаю телефон и вижу, что звонит Ленка. Испытывая почему-то резкое сожаление, отвечаю.

— Лизка, что за на хрен вчера такое было? — без лишних предисловий начинает подруга.

Ленка она всегда такая. Мы знаем друг друга черте сколько лет. И сколько её знаю, она свободная художница, которая с удовольствием кладет прибор на мнение окружающих и честно, и без всяких обиняков, говорит что думает. Её агент и по совместительству периодически любовник и гражданский муж, когда повезет, Игорь, просто с ней вешается. Ленка всегда пишет только то, что хочет сама, и никогда то, что хотят заказчики. Поэтому периодически у них случаются грандиозные скандалы, и они расходятся, сохраняя, правда, деловые отношения. Ленка, как натура увлекающаяся, находит себе кого-то другого, переживает очередной скоротечный роман, но затем все равно возвращается к Игорю. И тот, терпеливая и любящая душа, опять ей все прощает и у них наступает несколько месяцев счастья и тишины. Но при всей взбалмошности, Ленка — талантливый и успешный художник, который прекрасно продается.

— Что ты имеешь в виду под емким понятием "что за на хрен"? — с улыбкой уточняю

я. — И, кстати, и тебе доброе утро.

— Доброе. А теперь колись, откуда ты знаешь Романа Соринова?

— Ну, знаешь, мы как бы выросли в одном дворе. Когда то были дружны. Хотя в основном с его старшим братом. Помнишь, я тебе как-то по пьяни рассказывала, как первый раз целовалась?

— Да к черту его брата, если он только не настолько же хорош как и Ромочка. Лизка, он же просто.... Ну, это просто какой-то секс на палочке и толстый-толстый слой шоколада! Охренеть можно! Как вы пересеклись то?

— Да просто случайно встретились, когда я подругу навещала в старом дворе, а там он.

— Ну и? Не томи!

— Ну и теперь, как видишь, я вынуждена любоваться на это мужское совершенство гораздо чаще, чем способна выдержать моя слабая женская психика! — раздраженно ответила я.

— Ой, я тебя умоляю! Чего там выдерживать! Бери да пользуйся! Мужик запал на тебя реально, а ты носом крутишь!

— Лен, окстись! Ничего, что я замужем?

Надо сказать, что у Лены с Сашей взаимная антипатия с первого взгляда. Подруга всегда считала, что я сделала неправильный выбор и мой Сашка зануда и подавляет меня.

— Ой, тоже мне замужем! Ты этого своего мужа сколько часов в неделю видишь? Может, начнешь к нему на прием у секретарши его записываться, тогда, по крайней мере, будешь уверена, что в отведенное для встречи время он будет сконцентрирован только на тебе. Он ведь такой ответственный, такой ответственный, — с нескрываемой издевкой поддела меня Лена. — Лиз, сколько ты еще будешь мириться с этой ролью второй жены у своего мужа? Первая и любимая то у него работа, как ни крути.

— Лена, прекрати! Что вы все взялись лечить меня! — разозлилась я не на шутку.

— Не обижайся, Лизка, я же за тебя болею. Но знаешь, мне показалось, что Рома всерьез тобой увлечен. Ты как только ушла, в нём кто как будто лампочку выключил. Ты же знаешь Катьку, она только что рукой в штаны ему не залезла, ну и так терлась и эдак. А он ноль! Вообще! У нас, как ты ушла, какой-то тематический вечер имени тебя начался. Ты это единственная тема, на которую он и говорил. Лиз, будешь дурой, если его упустишь!

— Лена, да что ж такое-то! Ты меня не слышишь что ли? Мне это не нужно все! У меня в жизни уже есть все что нужно! Я не собираюсь ничего менять. Да и опомнись ты. Ты ведь видела этого Ромочку! Вот и скажи, способен такой мужик на серьезные отношения? Ты что предлагаешь мне пополнить список его побед, став еще одной зарубкой на спинке его постели?

— Я предлагаю тебе просто вспомнить, что ты женщина, ясно? И вот только не ври мне, что ты его не хочешь! Ну, вот и сделай в кои-то веки то, что хочешь, а не то, что должна! И какое тебе дело до тех, кто был у него до тебя и будет после? Просто получи удовольствие!

— Нет, Лен, я так не могу. Даже если бы я на такое и решилась, мне нужны отношения, постоянство...

— Тебе нужно что бы такой горячий мужик как этот Ромочка как следует разок-другой оттр*хал тебя до полного мозгового оупения и физического изнеможения!

— Лена!!!

— Да что Лена? Да куда на хрен делась моя подруга, которая за любой кипеж кроме голодовки!? Ты же в рыбу какую-то превращаешься! Говорю тебе — этот Рома именно то,

что доктор прописал!

— Не прекратишь, я с тобой месяц разговаривать не стану!

— Если переспишь с Ромой, можешь и полгода не разговаривать, разрешаю! И кстати, как ты думаешь, можно его уболтать обнаженным мне позировать?

— Ты это всерьез? — рассмеялась я.

— Более чем. Ты же видела какое у него тело!

— Не знаю, сама у него спрашивай!

— А мне почему-то кажется, что если ты попросишь его раздеться, он с радостью согласится! Да я просто в этом уверена!

— Так, хорош! Все, я пришла на работу. Давай уже, демон-искуситель.

— Тр*хни этот шоколадный батончик. Если откажешься я тебе этого никогда не прощу! — вопит на прощанье подруга.

Боже, они все на меня ополчились, что ли?! Будто мне и собственных снов недостаточно! Я опять набрала мужа. Ответа не было. Но через минуту пришла СМС "Очень занят. Перезвоню позже.". Нет, ну надо же! Он что сильно отвлекся, если бы то же самое сказал мне лично, подняв трубку? Внутри закипела обида, чуть почти по-детски не брызнув слезами.

— О, привет, Лиза! — окинул меня оценивающим взглядом Алексей, с которым мы вместе уже второй год работаем. — У тебя сегодня что, день рождения?

— С чего ты взял? — удивилась я.

— Ну, выглядишь так... непривычно и потрясающе, в общем, — он неожиданно смутился. — Я всегда видел, что ты красавица, но сегодня ты... как-то мягче что ли. Тебе очень идет.

— Спасибо, Лёша.

Я выпила с ним кофе и погрузилась в работу. Около одиннадцати меня позвал наш охранник Женя.

— Лизавета Михайловна вам тут цветы доставили!

Само собой, что тут же все взгляды оказались прикованы к моей скромной персоне. На входе стоял худенький мальчишка-курьер в фирменной кепке дорогого цветочного магазина.

— Елизавета Филиппова это вы? — спросил он.

Я кивнула. Он протянул мне большой букет белых роз и попросил расписаться. В цветах была карточка. Ровным почерком там было написано:

"Прости за то, что испортил тебе вчерашний день. Я все осознал и готов прийти с повинной! Прошу, дай возможность реабилитироваться! Обещаю, больше не буду изображать носорога прущего напролом. Твой Ромочка."

Мой Ромочка! Нет ну надо же! На меня почему-то нахлынуло смешанное чувство нежности и смятения.

— Ну вот, и как это понимать? — задала я риторический вопрос, подняв глаза на Женю.

— Наверное так, что вы кому-то очень сильно нравитесь, — пожав плечами, улыбнулся он.

— Лиза, у тебя появился тайный поклонник? — с явно просвечивающей изрядной долей зависти спросила Наденька, наша вечная супер-стар местного масштаба.

— Почему же тайный? Очень даже явный. Нарисовался — не сотрешь, — огрызнулась я, направляясь с огромным букетом на своё рабочее место.

Дальше, в течение дня только совсем ленивый и не ходячий не подошел к моему столу,

не полюбовался на букет, и не поизголялся в остроумной попытке вывести у меня от кого же цветы. Нет, ну совсем народ одичал. Из-за одного букета движняки, как будто мне "Феррари" под окна подогнали, и ключики с бантиком принесли.

И конечно я уже почти не удивилась, когда выйдя после работы, увидела перед входом машину Ромы и его самого в небрежной позе прислонившегося к капоту. Надо ли говорить, что почти у всех моих сослуживцев появились какие-то срочно-неотложные дела на широком крыльце офиса в ожидании того, как будет развиваться мелодрама.

Я со своим букетом наперевес спокойно подошла к Роме и остановилась напротив.

— Тебе понравились мои цветы? — с какой-то почти робкой улыбкой спросил он.

— Да, понравились. Спасибо.

— Я рад. А то я, знаешь ли, волновался. Я, как ты поняла, не силен во всяких там романтических штучках, — усмехнулся в своей убийственной манере.

— Не силен? А мне показалось, что ты очень уверенный в себе парень и не страдаешь отсутствием женского внимания.

— Это так, — честно кивнул Рома. — Только ты знаешь, мне как-то не приходилось прилагать столько усилий, что бы привлечь к себе внимание женщины.

— Что, неужто, никогда? — удивилась я. — Все так и падали сами к тебе в объятия?

— Ну, как-то так. Так что я в этом смысле можно сказать инвалид. Эта сторона отношений мне совсем не знакома, — Рома смотрел прямо и говорил совершенно серьезно, без самодовольства.

И мне вдруг подумалось, что, и правда, смех смехом, но наверное не так уж и легко привлекательному мужчине научиться строить нормальные отношения, если женщины сами постоянно навязывают себя, сводя процесс собственного соблазнения к нулю. Вот красивые женщины постоянно жалуются, что за красивым телом и лицом в них часто людей не замечают. А кто сказал, что у мужчин все не так? Конечно, бесконечная череда легких побед, несомненно, льстит их самолюбию, но ведь все когда-то надоедает. Может это и не так уж по-кайфу мужчине, когда на него только и смотрят как на красивое тело, прилагаемое к исправно работающему члену. Принято считать, что это мужики бездушные кобели и потребители, но давайте будем честными, разве большинство женщин так уж интересуются тонкой душевной организацией мужчины, если у него есть смазливая внешность, он хорош в постели и денег хватает?

— Ты чего приехал то? Теперь у меня в офисе только и разговоров будет о твоей синеглазой сексуальной персоне.

— М-м-м. Приятно, что ты все же считаешь меня сексуальным. А то я уж отчаялся. Я хотел тебя, вообще то, позвать в кино и поужинать.

— В кино? — поразила я.

— Ну да, в кино! Помнишь, как мы в детстве в ДК на мультики бегали? — безмятежно заулыбался мне Рома.

— Ром, я в кино уже... уже даже не знаю сколько лет не была!

— Ну, я тоже затрудняюсь припомнить своё последнее посещение. Может, освежим впечатления вместе? Не отказывайся! — перебил он, едва я открыла рот. — Ну что тебе дома-то делать? А так посмотрим что-нибудь смешное или приторно-сопливое, поржем до слез или поплачем до смеха, потом перекусим и я честно отвезу тебя домой. Просто как старые друзья. Что тут такого-то? Обещаю, что больше не буду вести себя как озабоченный придурок. Честное пионерское! С этого дня я просто твой старый друг Ромочка. Ну что,

идем, пока в нас тут еще дыры взглядами не прожгли?

Я оглянулась на сборище на крыльце. Вот уж кому надо поп-корн и колу выдать на время просмотра!

— Ладно! Но только хоть одна сальная шуточка или вольность, и я уйду, — пригрозила я.

— Идёт! — засиял как новая копейка Рома и стал совсем похож на мальчишку.

Глава 5.

Мы попали на четвертую часть "Сумерок". Оказалось, что первые три Рома тоже не смотрел, так как считал это сопливой подростковой чушью. Моя тонкая ранимая душа возмутилась таким определением и, так как у нас еще было почти полчаса до сеанса, то мы купили мороженное, и я взялась за культурное просвещение этого неандертальца. Я пересказывала краткое содержание прошлых частей, а Рома отпускал по ходу повествования едкие комменты. В итоге он привлек внимание юных фанаток и чуть не был бит за свои язвительные высказывания толпой влюбленных в Эдварда малолеток. Я смеялась от души, давась мороженым, и игнорировала его призывающие на помощь взгляды.

— Ты меня бросила на растерзание этим бешеным вампироманкам! — с возмущением сказал он, вырвавшись, наконец, из цепких лапок обиженных за кумира девчонок.

— Ага! Зато ты теперь точно знаешь, что есть категория женского населения, на которую твоё безграничное обаяние не действует!

— У-у-у! Жестокая ты женщина! Но теперь я понимаю, почему ты не поддавалась на мои грубые ухаживания! У меня есть конкурент в лице сублильного бледного вампира! Ну что же, хорошо, что мы пришли, надо знать врага в лицо! — и Рома мазнул меня по щеке мороженым.

— Ах ты...!! — я сделала стремительный бросок, пытаюсь отомстить тем же, но Рома ловко увернулся.

— Не прыгай на своих каблуках, Ромашка, а то мы вместо фильма в травмпункт поедим, — хохотал он, уворачиваясь от моих безуспешных попыток изгваздать его мороженым.

— Ты! А ну-ка, замри на месте, дылда вертлявая, белобрысина наглая! — гонялась за ним я.

— Ой, какой позор, Лизонька! И это та самая Ромашка, которую не мог догнать ни один мальчишка во дворе, когда мы в казаков-разбойников играли! Та самая, в которую никто мячом не мог попасть, когда мы в вышибалу бились! — нагло дразнил меня он.

Я остановилась и, отвернувшись, решительно пошла в сторону входа.

— Эй, Лиза, ты что обиделась? — голос бегущего за мной Ромы был по-настоящему встревоженным. — Лиза, я не хотел! Прости меня, дурака!

И он обогнал меня, становясь прямо передо мной и пытаюсь заглянуть в лицо.

— Ты такой придурок, Рома! — победно заявила я, вдавливая свое мороженное прямо ему в лоб. — И всегда на это покупаешься!

— Ах ты, маленькая гадость! — восхищенно произнес он, наблюдая сведенными в кучу глазами как мороженное медленно стекает по его носу. — Это не честно! Все твои женские штучки!

Я, видя, что капля сладкой жидкости уже готова сорваться с его носа, чисто машинально приподнялась на цыпочки и слизнула её. И тут же поняла свою ошибку. Глаза Ромы потемнели, а ноздри нервно дернулись, выдавая мгновенно изменившееся дыхание.

Губы его приоткрылись, словно в ожидании, и он нервно сглотнул.

— Черт, извини! — прошептала я отступая. — Это случайно вышло!

— Да ладно, не извиняйся, — усмехнулся он, кривя свой красивый рот. — Это было действительно приятно. Просто не хочу нарушить своё обещание, а когда ты так близко весь мой самоконтроль летит к черту.

— ЪДавай пойдем, умоемся, а то сейчас в зал пускать уже будут, а мы все липкие, — сказала я, отводя взгляд и чувствуя сильное стеснение в груди и новый прилив тяжести внизу живота.

Рома только молча кивнул.

Билеты он купил на диваны в конце зала. Едва выключили свет и пошла реклама, Рома наклонился и, подхватив мои ступни, сняв туфли, уложил их себе на бедра разворачивая меня. Я уже хотела возмутиться, но он стал нежно разминать мои уставшие за день ступни и я расслабилась. Рома действовал так нежно и при этом уверенно, что я, не сдержавшись, застонала. И меня тут же ущипнули за икру.

— Эй, ты что? — подпрыгнула я.

— Немедленно прекрати издавать такие звуки или я за себя не ручаюсь! — грозно нахмурился он на меня.

Мы так и просидели весь фильм. Рома все время так и поглаживал мои ноги, и мне было тепло и уютно. И в этот момент мне совсем не хотелось анализировать собственное поведение и мучиться моральными дилеммами. Просто в этот данный отрезок времени, в этом конкретном месте, мне было хорошо и комфортно именно с этим человеком.

Когда сеанс закончился Рома сам надел на меня туфли и повел к выходу.

— Куда пойдем поесть, или ты как все после шести фигуру бережешь? — подмигнул мне Рома.

— Ну, знаешь, я её и до шести трепетно берегу и вроде ничего получается. Но съесть что-нибудь вкусное и не обязательно полезное я согласна.

— Твою фигуру не беречь надо, а как можно чаще выставлять на общее обозрение для всеобщего обожания, — не сдержавшись, заявил Рома, пробежав таки по мне голодным взглядом. — И не сверкай на меня своими эльфийскими глазищами — я уже умолкаю!

— И почему это эльфийскими? — не поняла я.

— Ну, они у тебя всегда были такие... необыкновенные. Я для себя еще в детстве назвал твои глаза эльфийскими. Огромные, чуть раскосые и такие зеленые, что дух захватывает. А когда ты злишься, они темнеют и становятся похожи на штормовое море, — голос Ромы стал глухим, словно слова давались ему с трудом. — Я таких глаз как у тебя больше ни у кого в жизни не видел.

— А пересмотрел ты много, — решила я срочно разбить ощущение особенности этого момента, потому что у меня уже опять начало перехватывать горло.

Рома мотнул головой и, глянув на меня, рассмеялся.

— Ты ведь нарочно это делаешь! — хитро посмотрел он — Боишься подпустить меня чуть ближе. Почему? Боишься меня или все же себя?

— Черт, а давай я об этом завтра подумаю! А сейчас покорми меня, если не хочешь моего голодного обморока.

Мы зашли в итальянский ресторанчик и к нам живо подскочил официант.

Я предоставила заказывать Роме. Он перечислил блюда и спросил в конце:

— Скажите, а есть у вас молочное мороженое? Ну, знаете, не пломбир как сейчас везде,

а как раньше обычное молочное? Ну, или что-то похожее.

Официант пообещал что-то подобрать. Я удивленно смотрела на Рому.

— Что? — спросил он, перехватывая мой взгляд. — Удивлена, что я помню?

— Если честно, то да, — я смолчала о том, что Сашка за пять лет совместной жизни не только не запомнил, какое я мороженое люблю, но и понятия не имеет, сколько сахара я в кофе кладу.

— Я многое о тебе помню. Например, что ты терпеть не можешь отрываться от чтения, пока не проглотить все до последней страницы. А если тебя отрывали, то ходила задумчивая и ворчливая.

— Ну, это если книга интересная, — пожала плечами я, признавая.

— А еще, ты безумно любишь соленую рыбу и можешь есть её в безумных количествах. И ты любишь, когда она слегка недосохшая.

Я снова улыбнулась, признавая его правоту. Рыбу я обожаю с детства. Сразу же вспомнилась как я так и норовила спереть из дома связки мелкой сушеной рыбешки, чтоб в большом количестве отец развешивал на балконе и разделить её с друзьями. Для меня в детстве соленая рыба была как для других семечки. А сейчас я уже сто лет её не ела. То, что продается в магазине это совсем не то, да и Сашка вяленую рыбу на дух не переносил, считая плебейской едой.

— А еще, ты совершенно не переносишь, когда кому-то причиняют боль, и всегда готова ринуться на защиту слабых, и особенно бесишься, если кто-то жесток с животными. Я помню, как ты атаковала того жирдяя, что пнул щенка тогда в школе. Он был в два раза больше тебя, но ты усадила его на задницу.

— Я помню. Только потом подросли его дружки и мне бы реально наkostenали, если бы Колька не вступился. Кольку все боялись, — вспомнила я.

— Ну да. А он всегда боялся тебе не угодить, — усмехнулся Рома. — У нас это семейное, наверное.

— Ром как так вышло... с Колькой? — я закусила губу, не зная как спросить.

— Ничего не вышло, Лиза, — жестко сказал Рома, нахмурившись и потемнев лицом. — Это бы его абсолютно осмысленный выбор — лишить жизни человека. Понимаешь? Ни обстоятельства, ни случайность, а осознанный выбор. В нашей жизни случился момент, который многое поменял. У него был выбор — получив старт пахать как я или просто просрать все, развлекаясь. Он очень изменился, власть и деньги ударили в голову, и заигрался в бога. Давай не будем сейчас об этом.

Я кивнула. Принесли еду и какое-то время мы ели молча. Но Рома то и дело бросал на меня косые взгляды.

— Хочешь о чём-то спросить?

— Да, — кивнул Рома. — Это личное. Можно?

— Валяй.

— Скажи, там, у твоих родителей в гостях... ну короче ты действительно беременна? — на выдохе выпалил он и замер, ожидая, видимо, вспышки с моей стороны.

— А это имеет для тебя значение? Если так, то дружба врозь? — усмехнулась я.

— Не говори ерунды. Просто ребенок это важно. На моё отношение к тебе это никак бы не повлияло, хотя и реально бы понизило мои шансы. Так это правда?

— Не люблю врать. Нет. Это не правда, — и на лице Ромы явное читалось облегчение.

— А почему тогда...

— Что промолчала? Может мне твоё лицо озадаченное понравилось. Сразу было видно, как утихает твой пыл по отношению ко мне.

— Это не так. Я просто реально испугался. Решил в какой-то момент, что у меня больше нет шансов. Но потом подумал и понял, что для меня это ничего не меняет.

— В каком смысле?

— Ты нужна мне, Лиза. Этот факт уже видимо не изменить ничем, если уж тринадцать лет не помогли. Хватило одного взгляда на тебя. Поэтому, какие бы ни были обстоятельства, для меня есть только один вариант — преодолеть все, что нас разделяет.

— Ром, ты хоть понимаешь, о чём говоришь? Даже если и отбросить тот факт, что я замужем и счастлива, — у меня почему-то что-то дернулось внутри. — Мы были близкими друзьями когда-то, так давно, что и представить сложно. Мы были детьми. Сейчас мы взрослые и, почти незнакомые люди. Мы почти ничего не знаем друг о друге. Все что нас связывает, если можно так сказать — вспышка плотского желания... — я осеклась, поняв, что сболтнула лишнего.

Но Рома уже впился в моё лицо цепким взглядом.

— Но ведь оно есть, это желание, и отрицать ты его не можешь!

— Но и идти у него на поводу я не собираюсь! Я ведь человек, а не животное. Не буду врать, ты привлекаешь меня в физическом плане. Сильно привлекаешь. Но оглянись — половина женщин в этом зале испытывают схожие чувства. И тебе прекрасно известно, как ты действуешь на женщин. Но я, как ты правильно заметил еще в первый раз, не свободна. Но даже если бы я была не замужем, я не та женщина, что тебе нужна. Тебе нужна легкая интрижка ради секса, необременительная и скоротечная. А я так не смогу. Мне нужно чувство, отношения, забота и преданность... Я слишком требовательна для тебя. Слишком собственница. Со мной трудно. Я не то, что тебе нужно, поверь.

По мере произнесения моей речи лицо Ромы становилось все мрачнее, а взгляд жестче.

— Ты действительно ничего не знаешь обо мне и о моих чувствах к тебе, Лизонька. Так что, я вижу для себя единственную перспективу — доказать, что я совсем не такой, каким ты меня представляешь. Да, я не ангелок и у меня никогда не было постоянных отношений. Но ради тебя я готов меняться. Только ради тебя! Ради тебя я готов изменить все в своей жизни.

— Но я не готова!

В этот момент зазвонил мой телефон. Звонил Саша.

— Привет, родной! Как твои дела? — я смотрела, как медленно разгорается огонек ярости в синих глазах напротив.

— Я в порядке. Устал жутко. Прости, что не перезвонил вчера вечером — пришел со встречи и вырубился моментально, не видел твоего неотвеченного. А сегодня с самого утра как белка в колесе. Зато можешь меня поздравить — я, кажется, выгрыз этот контракт у немцев!

— Я очень рада за тебя, Саш! Ты ведь давно этого хотел!

— Да, девочка моя! Знаешь, как только закончим, возьму отпуск, и поедем куда-нибудь отдохнем. Может опять на Бали. Вспомним наши лучшие деньки, — и почему при этих словах у меня такое чувство, что если эта поездка и случится, то она не залатает дыр?

Просто, наверное, ткань уже истлела. Но я отмахиваюсь от этого неприятного ощущения. Может все еще и не так плохо?

— На Бали? Думаю, это было бы здорово. А ты, правда, сможешь вырваться?

— Я очень постараюсь. Ты дома?

— Нет. Гуляю со старым другом, — глаза напротив вспыхивают дерзким огнём.

— Ладно, не скучай там сильно. Мне пора, девочка моя. Целую тебя.

— И я тебя.

Я по-прежнему смотрела в полыхающие злостью глаза Ромы. Его губы сжались в жесткую линию и побелели от напряжения.

— Что, он тебя даже не спросил, с каким это другом ты гуляешь по вечерам, пока его дома нет? Или у тебя таких друзей как я вагон и ты частенько так время проводишь?

— Рома, не надо.

— Не надо? — он скрипнул зубами и резко выдохнул через нос. — Черт, я ревную. Я безумно ревную, хотя не имею никакого права. Пожалуй, со мной такое впервые в жизни. Не знал, что это так больно. Если бы ты была моей, я бы не позволил тебе гулять по вечерам с какими-то там друзьями. Я б с тебя глаз не сводил!

— Рома, отвези меня домой, пожалуйста, — тихо попросила я.

До дома мы ехали в полном молчании. Когда остановились перед домом, Рома, не глядя на меня, спросил:

— Ты согласишься со мной еще куда-нибудь пойти? Обещаю, что смогу справиться со своей ревностью.

— Ром, мне было очень хорошо с тобой, но это не приведет нас обоих ни к чему хорошему. Поэтому больше не стоит, пожалуй. Спасибо за вечер.

Рома ничего не ответил и даже не посмотрел на меня. Я выскользнула из машины и пошла к подъезду. Сзади бешено взвизгнули покрышки, и запахло жженой резиной. Я оглянулась. Рома исчез из моей жизни. Так ведь будет лучше?

Глава 6.

Потянулись обычные дни.

Будильник. Завтрак. Дорога на работу. Ежедневные дела, которым никогда не настает конец. Вечера перед телеком. Звонки Сашки с парой дежурных фраз. На работе ко мне сначала пытались подходить с вопросами о Роме. Но, не добившись ничего вразумительного, быстро отстали.

В среду я как обычно вечером пришла в тренажерный зал и поймала себя на том, что ищу взглядом высокую, широкоплечую фигуру. Но Рома так и не появился. И хотя я повторила себе сто раз, что это хорошо и, видимо, он решил, что наше дальнейшее общение не имеет смысла, но вместо радости чувствовала разочарование. Моя жизнь вернулась в привычную колею. Я должна быть рада. Должна. Но то, что я испытываю — все что угодно, только не радость.

Рома исчез даже из моих снов. Теперь я больше не просыпалась потная и дрожащая. И от этого почему-то ощущала себя особенно покинутой и какой-то старой что ли.

Не выдержав и ругая себя на чём свет стоит, в четверг вечером я все же забила в поиск его имя и фамилию. Вылезла его закрытая страница ВК. И еще множество его фото на разных мероприятиях. Всегда в обществе роскошных женщин. Его офигенная улыбка и сияние невозможных синих глаз всегда были адресованы какой-нибудь ослепительной красавице. Меня накрыло волной неконтролируемой злости и ревности. А что ты хотела, Лиза? Он красивый и состоятельный мужчина, и вокруг всегда масса тех, кто готов на все ради того что бы побыть с ним рядом.

Я захлопнула **ноутбук** и уставилась в стену. Кончай дурить! Ну мелькнул он в твоей жизни, была у него блажь. Ты попросила уйти — он ушёл. Все правильно! На фиг ему

терпеть выкрутасы замужней бабы, с которой ему ничего не светит, если в любой момент есть те, кто готов выполнить любую его прихоть?

Я решила, что больше ни за что не позволю себе думать об этом мужчине. Всё виноваты эти сны и отсутствие Сашки. Всё таки как бы я не убеждала себя, что одиночество мне нипочем, но все равно засыпать одной в постели как-то тоскливо. Накрывает какое-то противное чувство времени, утекающего сквозь пальцы, того самого, что я могла бы провести в объятьях любимого человека, а не пялиться в темноту спальни в ожидании когда придёт сон. Снова отчаянно захотелось, чтобы ночи пролетали незаметно в скольжении потных тел и жарком шепоте. Почему, черт возьми, когда мы урывали для сна пару часов за ночь, занимаясь любовью, по утрам я чувствовала себя бодрее и лучше чем сейчас, а главное намного счастливее? И неужели ничего этого уже нельзя вернуть?

Боже, я такая эгоистичная дура! Мой муж работает как проклятый, в попытке сделать нашу жизнь еще лучше, а я сижу тут и скулю потому, что мне не хватает его прежней страсти. Но с другой стороны разве у нас уже нет всего, что нам нужно для жизни? Зачем нам что-то еще, если мы даже тем что есть не успеваем пользоваться? Есть ли такая острая необходимость работать столько, сколько Сашка работает? Или, может быть, за вечной занятостью он прячет то, что у нас не все так уж хорошо? Это просто его способ уходить от того, что мы стали как чужие? Я сжала виски. Господи, я уже просто запуталась! Не могу понять — вечная занятость является причиной того, что мы отдалились или наоборот мы в ней прячемся от правды, что чувства ушли? О-о о! Не хочу думать!

Завтра придет Ольга. Посидим, выпьем, поболтаем.

Я взялась в очередной раз драить квартиру, стараясь работой заглушить растущее одиночество.

В пятницу случился очередной завал. В пять позвонила Ольга и подтвердила, что сегодня она у меня.

Когда я уже поднималась в квартиру с пакетами наперевес, она позвонила опять.

— Лизонька, я уже тут собралась выезжать, но тут во дворе пересеклась с Ромой. Он сказал, что тоже хотел бы заскочить тебе. Можно? Он как раз меня и подвезет! — голос Ольги как всегда полон оптимизма, а у меня сердце подпрыгнуло в горло и там застряло. — Он всего на минутку! Можно?

— Да, конечно можно — мямлю вслух, хотя все внутри орёт "НЕТ! Что же ты, дура, творишь!"

— Вот здорово! Все, жди нас! — и Оля отключается.

Я как оглашенная мечусь по квартире. Зачем я согласилась? Как я позволила Роме прийти в нашу с Сашкой квартиру? Потом одергиваю себя. Мы ведь просто друзья, не так ли? Нет ничего такого в том, что друзья ходят в гости друг к другу. Я заставляю себя успокоиться.

Так, курица отправляется в духовку, салаты заправлю потом, а сама я в душ.

Замираю перед шкафом. Я ведь не должна выглядеть так, словно ждала его? Выбираю легкий домашний костюм из топа и шортов. Успеваю только расчесаться, и раздается звонок с домофона.

— Это уже мы! — вопит Ольга.

Я открываю входную дверь и стою, прислушиваясь к поднимающемуся лифту. Делаю несколько глубоких вдохов, прогоняя нервозность. Ничего такого не происходит! Лифт открывается, вываливается Оля и лезет обниматься. Я смотрю на Рому, стоящего за её

спиной, и от одного взгляда в его глаза все моё спокойствие разлетается в пыль! В его глазах столько голодной потребности, что все мое тело словно окунают в кипяток. Все внутри, каждое нервное окончание, натягивается как струна, отвечая на этот мощный призыв мужского голода, пока я бормочу какие-то приветствия, предлагая им войти. Господи, зачем я только согласилась?!

— А Рома, оказывается, только сегодня прилетел из Испании! — жизнерадостно сообщает Ольга.

— Вот как? — говорю я, стараясь на него не смотреть. — Отдыхал?

— Нет, работал и очень скучал... по родине, — его голос такой, как будто ему, как и мне, трудно говорить все эти дурацкие слова. — Я тут, кстати, привез одно очень хорошее вино. Ты не против?

— Нет, — я мотаю головой. — Проходите.

Некоторое время мы тратим на осмотр квартиры. Ольга охает и ахает. В особый восторг её приводит моя мини-оранжерея на нашей большой лоджии.

— Офигеть! Все-таки классная планировка у этих новых квартир, правда, Рома? — Ольга стоит на лоджии и озирается.

Рома же застыл в коридоре прямо напротив приоткрытой двери в нашу с Сашей спальню. С того места где он стоит ему должна быть как раз видна наша постель. По его лицу пробегает гримаса боли и злости, и он поворачивается ко мне. Его глаза темные и яростные. Я не знаю как мне на это реагировать. Он делает несколько шагов и становится вплотную ко мне.

— Не могу дышать, когда думаю, что там он прикасается к тебе, — шепчет он.

— Зачем ты пришёл? — так же тихо спрашиваю я, еле сдерживая дрожь от его дыхания, скользящего по моей коже сквозь волосы.

— О-о-о! Лизка! Ты посмотри, это же настоящая финиковая пальма! — восхищенно кричит Ольга, заставляя меня вздрогнуть.

— Да, — отвечаю я. — Я её сама из косточки вырастила. Еще у мамы до замужества сажала.

— Не могу совсем не видеть тебя, — голос Ромы тихий как шелест и посылает в мою грудь импульс боли.

Я не знаю что ответить и боюсь посмотреть опять в его глаза. Я просто стою, опершись на стену, наблюдаю за метаниями подруги и чувствую, как разваливаюсь на куски. Все те умные и правильные мысли, которые я старательно лелеяла эти дни, разлетелись, истаяли как дым от одного лишь взгляда на Рому. Он стоит так близко, я чувствую его запах, моей кожи касается его дыхание, его тихий напряженный шепот проникает в мой мозг... Мои ноги дрожат, пальцы зудят от желания прикоснуться к его лицу, соски, кажется, готовы проколоть насквозь ткань белья и топа, а низ живота скрутило голодной болью. Я стремительно тону, глохну и слепну от его невыносимой близости. Да что же это такое?

Наконец, Ольга спасает нас, закончив осмотр моего маленького сада. Мы идем на кухню. Рома вызывается мне помочь, пока Ольга изучает наши с Сашей свадебные фото. Он то и дело, словно невзначай, касается меня и глубоко вдыхает, ловя запах моих волос. Мои руки дрожат, я все роняю.

— Лизка! — кричит Ольга из комнаты — А вы куда в свадебное путешествие ездили?

— На Бали. У нас всего неделя, правда, была, — резкий выдох за спиной.

— Ну что, здорово там?

— Да, очень, — Рома роняет ложку.

— А я вот еще ни разу за границу не ездила. Надо, наверное, плюнуть да поехать в какой-нибудь Египет или Турцию. Чувствую, пока меня туда прекрасный принц повезет, я постарею и мхом покроюсь. Ро-о-ом, а ты часто за границей бываешь? — заглядывает Ольга на кухню.

— Хочешь что бы я тебя с собой взял? — улыбается Рома.

— А че? Я б не отказалась! Представь, Лизка, нас с Ромкой под ручку, гуляющих по какой-нибудь там набережной во Франции! — Ольга продефилировала по кухне, покачивая бедрами.

Я вымученно смеюсь, Рома тоже улыбается и мотает головой.

— А что? Вот женился бы ты на мне, Ром! Я бы тебя любила, заботилась, обстирывала и кормила по-людски! Вот чем я плоха? — хохочет Ольга. — Вот какая красавица и всего у меня много! Чего вы все вечно за этими воблами тощими бегаете, у нормальной женщины никаких, блин, шансов!

— Оля, да кто ж сомневается, что ты самая красивая женщина на свете? После Лизы, конечно, извини уж, старая любовь сильнее всего! — Ром произносить это так легко, словно это нечто, не подлежащее даже малейшему сомнению. — И зачем тебе такой муж как я нужен? Я же бабник и кобель! А еще грубиян и никакой любовник, — откровенно смеется Рома.

— Ой, ладно прибедняться! Я в прошлый понедельник видела, как ты в обед из гостиницы "Хрусталь" выходил с тощей брюнеткой с роскошным бюстом. Так у неё прям на лице было написано, какой ты хреновый любовник! Выглядела как сытая кошка, только что глаза от довольствия не закатывались! Я, может, тоже так хочу!

Салатница вываливается из моих рук и разбивается, создавая бардак. Такой же, как сейчас в моих мыслях. Рома метнулся мне помочь.

— Нет! — я сама пугаюсь того, как агрессивно прозвучал мой голос. — Отойди! Я сама! Рома, скрипнув зубами, отступает.

— Блин, Лизка, как ты так? — сочувственно спрашивает Ольга.

Я убираю весь бардак, Рома внимательно следит за каждым моим движением. Я же стараюсь не замечать его присутствия. Ольга уходит в туалет, и Рома, шагнув ко мне, резко хватая за плечи и встряхивает.

— Это совсем не то, что ты думаешь!

— А разве я что-то думаю? — я стараюсь влить в свой голос столько холода, сколько только возможно.

Действительно, что тут думать? Днём он тр*хался в гостинице с какой-то брюнеткой, после того как отправил мне букет с милой записочкой, а вечером пригласил меня в кино и изображал романтичного влюбленного.

— Лиза, это была встреча по работе! — Рома отчаянно пытается поймать мой взгляд.

Я собираюсь с силами и позволяю ему это. Надеюсь, в моем взгляде только то, что я хочу ему показать — полное безразличие.

— Рома, я вообще не понимаю, почему меня это должно волновать? Ты свободный мужчина и у тебя есть свои потребности... — начинаю я равнодушным тоном.

— У меня теперь только одна потребность — в тебе! — его взгляд горячий и умоляющий.

— Но между нами ничего нет и быть не может! Я не собираюсь менять свою жизнь

ради... — я осекаюсь и замолкаю.

— Ради такого кобеля как я, да? Думаешь, я хочу от тебя просто мимолетную интрижку? Если бы я просто хотел разок переспать с тобой, стал бы бегать за тобой? Считаешь, у меня есть необходимость так напрягаться просто ради секса? — голос Ромы дрожит от ярости.

— Да нет, конечно! — неожиданно злость просто захлестывает меня. — На хрен тебе вообще напрягаться! Как ты сказал — "могу даже с места не сходить"? Ну конечно, тебе ведь стоит только подмигнуть и к твоим ногам озабоченные дуры штабелями падают!

— Мне прикинуться, что это не так? Тебе нужно что бы я лицемерил и изображал из себя скромника?

— Мне от тебя ничего вообще не нужно! В моей жизни уже есть все что нужно, — топаю ногой я.

— А вот мне нужно! Мне ты нужна! Ты и только ты! Такая, какая есть! Целиком!

Рома резко шагнул ближе и, захватив мое лицо в свои ладони, жадно впился в мой рот. Его губы и язык кричали мне о его жуткой потребности во мне, о его острой тоске. У меня не было ни единого шанса устоять и не открыться ему. Почувствовал мой язык под своим, Рома хрипло застонал, и его тело задрожало, вливая в меня раскаленную лаву и заставляя задрожать ноги. Он яростно углубил наш поцелуй, буквально насилуя мой рот, не оставляя и остатков сомнения в первобытной, разрушительной силе его вожделения. Нет не его. Нашего!

Я, не в силах удержаться, позволила своим пальцам оказаться там, где мне и хотелось с самой первой минуты как он вошёл — в его волосах.

— Господи, Лиза-а-а! — глухо простонал Рома, позволяя своим рукам соскользнуть на мою спину.

Он вжал меня в свое твердое тело до хруста костей, и у меня было такое ощущение, словно отхлынула долгая и монотонная боль. Та которую чувствуешь только когда она вдруг исчезает.

— О, твою же ж мать! — раздался шокированный голос Ольги, и нас отбросило друг от друга. — Э-э-э... М-м-м... знаете, ребята, если вам нужно побыть наедине, то я могу уйти.

Я отвернулась, задыхаясь от стыда и не в силах даже вдохнуть.

— Оля, пожалуйста! — хрипло попросил Рома. — Это не то, что ты думаешь!

— Черт, вы целовались в засос и выглядели так, будто готовы проглотить друг друга живьем! Что по-твоему я должна подумать? Что на вас нахлынул приступ ностальгии, и вы бросились в объятия друг друга, рыдая от силы воспоминаний? Лизка, а как же твой муж?

— Оля, не лезь на хрен туда, куда не нужно! — раздраженно выкрикнул Рома.

— Рома, уйди, пожалуйста! — мой голос звучал глухо и болезненно.

— Лиза, не гони меня. Нам нужно все решить... — шагнул ко мне Рома.

Я шарахнулась от него, сбивая стул и задыхаясь от стыда.

— Я все уже давно решила! Уходи ты, ради Бога! Прекрати издеваться надо мной!

Лицо Ромы окаменело. Он сжал кулаки и вытянул наряженные руки вдоль тела, прожигая меня бешеным взглядом.

— Хорошо, Лизонька, я уйду. Решешь что тебе на самом деле нужно — позвони! — и он оставляет на столе визитку.

Я не смотрю на него и только слышу, как захлопывается входная дверь. Ноги подгибаются, и я соскальзываю на пол кухни. Через минуту с бутылкой в руке рядом

садиться Ольга.

— Блин, Лизка, как тебя так угораздило! — говорит она и подает мне бутылку.

В её голосе нет и тени осуждения, только настоящее, неподдельное сочувствие.

— Не знаю, Оль. Просто наваждение какое-то, — я делаю глоток, и жидкость обжигает горло, дыхание перехватывает.

— Блин, откуда это? У нас же вроде вино было! — хриплю я.

— Это у вас вино. А у меня коньячок с собой. Не хочу я вашим вином кишки полоскать, — и Ольга, забрав у меня бутылку, делает большой глоток, передергивается и крикает.

— Блин, давай закусим что ли. Не голодать же нам, в самом деле, из-за этих мужиков!

— И то верно! — мы поднимаемся и садимся за стол.

Выпиваем еще по одной и внутри все расслабляется и теплеет.

— Эх, Лизка, одни беды да расстройства от этих мужиков! Вроде и на хрен бы не сдались. Вот я, сама и заработать и гвоздь забить могу. Да я, блин, и удовлетворить себя сама могу, спасибо техническому прогрессу, создавшему лучшего друга на батарееках! Но ведь не хватает чего-то в жизни! И самое обидное, что не хочу ведь я какого попало, просто что бы носками воняло! Я хочу что бы все по-настоящему, что бы страсть там и романтика всякая! Вот скажи, Лизка, у тебя с мужем есть еще страсть? Ну, так что бы искры летели и забывать где ты и что вокруг?

Я, улыбнувшись, отрицательно покачала головой, не в силах сейчас притворяться или соврать.

— Как-то пропало все. Не знаю, может, это я виновата.

— Да херня! Думаешь у вас одних так? Знаешь, сколько у меня замужних подруг жалуются на то же самое? Я считаю, что это мужики виноваты. Они просто пытаются, стараются привлечь нас, уложить в постель, потом окольцевал и все — расслабился. Они почему-то решают, что после свадьбы приходит наша очередь поддерживать отношения на должном уровне. Мы должны следить за собой, прекрасно выглядеть, обихаживать их, держать под контролем все домашние дела, терпеть их дурное настроение и при этом еще улыбаться как счастливые идиотки! А они могут только заваливаться на диван после работы, сосать пиво и распускать живот, жалуясь как они, бедные, устали. А в постели? Вот скажи, куда деваются все эти горячие мачо, что не дают спать ночь напролет? Почему они превращаются в нечто, говорящее "я устал, не сегодня, мне завтра рано вставать" или "если чего-нибудь хочешь, потрудишься сама". Что за на хрен, Лиза? Если я хочу потрудиться сама, зачем мне вообще мужик, который может еще и обломать в самый неподходящий момент? Вот скажи честно, если бы твой муж был бы таким же как вначале и между вами до сих пор бы искры летели, ты бы повелась бы на Рому?

Я резко выдыхаю. Еще вчера бы я сказала:

— Нет, ни за что!

Но сегодня я почувствовала что-то... Больше я в этом не уверена. Ни в чем не уверена. Хорошо, что Ольге в принципе сейчас не нужен собеседник, достаточно и молчаливого слушателя, поэтому она воспринимает мое неопределенное мотание головой так как ей хочется.

— Во-о-от! Такие как он хороши для приключения, которое запоминается на всю жизнь, для того что бы поверить в себя, просто ради классного тр*ха. От него же просто разит сексом. Он весь как ходящее обещание охренного удовольствия. Но это все

временно. Короткая вспышка и всё. Такие как он не создают семью, не гуляют с колясками, не водят жену с детьми на мультики и в парк по выходным. Он, если и жениться, то лет в пятьдесят на двадцатилетней красавице, сделает ей ребенка по-быстрому, просто что б был, оставит её дома сидеть и дальше пойдет весь мир осчастливливать, пока стоять будет. Вот и что нам бабам делать, скажи? Что выбрать? Порхать свободными в поисках приключений с таким Ромами или залезть по шею в болото, именуемое постоянными отношениями, и про страстную любовь читать в книжках и смотреть в кино?

— Может не все так фатально?

— Не так? А как, Лиза? Вот скажи мне, ты много знаешь мужчин, что готовы менять что-то в себе, готовых работать над отношениями? Они вообще в курсе, что постоянные отношения это тот еще труд и гемор? Знаешь, почему я развелась? Потому, что каждый раз, когда я говорила своему благоверному, что нам нужно поговорить, у нас проблемы, он мне отвечал, что это у меня проблемы, потому что я их сама выдумываю. "У меня все прекрасно" — говорил он, и шел пить пиво с друзьями. И это через неделю после того, как у меня случился выкидыш! У меня сердце горело и умирало, а ему и дела не было! А разве мне много было нужно? А мне просто было нужно что бы он меня обнял и сказал, что мне не одной от этого больно, что ему тоже нелегко! Но он просто уходил и оставлял меня одну!

У меня все внутри сжалось от острой боли и сочувствия.

— Олечка, прости, я не знала! — я невольно прижала руку к низу живота.

— Никто не знал! Только он и я, — Ольга налила побольше коньяка и подняла бокал — Ну что, будем!

Мы еще долго сидели и говорили обо всем на свете. Это совсем не было похоже на нашу первую встречу. Я вдруг увидела Ольгу не той бесшабашной хохотушкой, которую она позволяла увидеть всем вокруг, а доброй и ранимой женщиной с незажившей раной в душе.

Глава 7.

Утро приветствовало меня давно забытой головной болью. Блин, я, наверное, со студенческих лет так не напивалась! Мы вчера с Ольгой выпили весь коньяк и чуть не пошли за добавкой в круглосуточный за углом, но я вовремя вспомнила про бутылку виски в баре, подаренную мужу его коллегами.

Ольга на чем свет ругала "вонючее пойло для буржуев". Но, однако же, вскоре и эта бутылка опустела, и мы решили, что для продолжения веселья у нас нет ни сил, ни здоровья, и расползлись по постелям.

В коридоре послышался стон и шлепанье босых ног.

— Лизка! Ты живая? — скрипучим голосом спросила Ольга, заглядывая в дверь.

— Вроде того. Блииин! Мне же сегодня в тренажерный зал нужно идти!

— А да забей ты. Чего тебе там тренировать-то?

— И то верно, — согласилась я, думая о том, что там может появиться Рома.

— А когда твой муж возвращается? — спросила Ольга, уже когда мы сели пить чай.

— Вроде завтра, где-то в середине дня.

— А давай в спа сегодня сходим и купим тебе какое-нибудь офигенное белье. Глядишь, может у вас страсть с новой силой вспыхнет?

Идея мне понравилась. Мы с Ольгой быстро прибрались и привели себя в порядок. Неплохой салон был недалеко от моего дома. Правда в субботу там наверняка народу будет много. Но нам повезло, и вскоре мы уже лежали запеленатые в какие-то водоросли. Затем Ольга подбила меня сделать бразильскую эпиляцию. В общем поизгалялись над нами от

души. Когда мы все же вырвались из цепких лапок косметологов и стилистов, чувствовала я себя просто замечательно. Решив довести план до конца, мы направились в магазин дорогого нижнего белья. Я люблю хорошее белье, но в основном руководствуюсь при выборе соображениями, прежде всего, удобства. Но сегодня у нас была совсем другая цель. То, что мы навывбирали с Ольгой для примерки, и бельем-то можно было назвать с натяжкой. Ольга настаивала на полном экстриме, но я все же отстояла несколько более-менее приличных комплектов. Один комплект, черный с серебристой вышивкой, особенно понравился мне. В нем я сама себе показалась похожей на героиню какой-то фэнтезийной компьютерной игры.

— Офигеть, Лизка! Если у твоего мужа от этого крышу не сорвет, я тебя сама за руку к Роме отведу! Ой! Прости дуру языкатую! — похлопала она себя ладонью по губам.

Я примерила еще два комплекта. Темно-синий и белоснежный, настолько прозрачный, что казался облаком, едва прикрывающим кожу. Решившись, взяла все три.

Когда мы выбрались из магазина, уже темнело. Распрощавшись на остановке, мы договорились созвониться, что бы я рассказала Ольге как все пройдет.

Сашка не звонил мне весь день. Видимо заканчивал свои дела. Я сама набрала его. Долго не было ответа.

— Алло, дорогая, что-то случилось? — каким-то официальным тоном спросил Саша.

На заднем плане была слышна громкая музыка и женский смех.

— Просто захотела услышать твой голос. Ты где? — внутри что-то неприятно заскреблось.

— Да я с коллегами в клубе. Отмечаем удачное окончание мероприятия. Давай поговорим завтра, когда я уже буду дома, а то тут очень шумно и я тебя плохо слышу. Пока!

И он просто отключился. Я чуть не задохнулась от злости и обиды. Смотрела на погасший экран телефона и чуть не кричала. Вот почему все так? Мы вместе никуда не выходили уже черте сколько. Сходить со мной в клуб — да я об этом даже не заикалась, зная, что выслушаю лекцию о его занятости и своей пустоголовости. А с коллегами — это пожалуйста, ничего страшного. И разве было трудно выйти на пару минут и поболтать со мной?

Придя домой, я швырнула пакет с бельём в угол. Набрав ванну, улеглась. Почему я так злюсь? Ведь такое бывало и раньше. И я всегда понимала, что Сашка занят и бывают моменты, когда он не может со мной поговорить. Хотя было бы ложью сказать, что и раньше меня это не обижало. Но сейчас я не просто была обижена, я жутко злилась. Я лежала в ванне пока жабры не начали прорастать и наконец, успокоилась.

Спала я вообще без сновидений. Конечно, к утру я уже забыла о своей обиде на Сашку и порхала по квартире, доводя её до совершенства. Хотя в какой-то момент пришла мысль, что интересно, сколько мне нужно не убираться здесь, что бы мой ежедневный труд стал очевиден? И зачем мы купили эту здоровенную квартиру, если вся жизнь протекала между спальней, кухней и ванной?

Ближе к обеду я приготовила Сашкин любимый салат с креветками и ананасами и поставила запекаться рыбу с овощами, как он любил. По моим подсчетам он должен был уже приземлиться. Я то и дело поглядывала на телефон, ожидая, когда он позвонит. Но звонка все не было. Не вытерпев, я набрала его сама.

— Привет, ты уже прилетел? — судя по звуку, Саша ехал в машине.

— Да, сели около часа назад, — бодро ответил он.

— А что так долго добираешься, сегодня вроде пробок не должно быть.

— Лизонька, я сначала в офис.

— Какой офис сегодня воскресенье? — у меня внутри, медленно клубясь, стала закипать затухшее вчера раздражение.

— Ну, у меня очень важные новости, не терпящие отлагательств. Так что меня уже ждут.

— Черт, Саш, а ничего что ты дома уже десять дней не был?

— Лиза, это ненадолго! — в голосе мужа явно проскользнуло раздражение, провоцируя у меня привычное чувство вины за мою нетерпеливость, — Просто там такая ситуация, что надо действовать очень быстро! Я совсем уже скоро буду. Я соскучился, — попытался он смягчить в конце эффект своих слов, но как-то неискренне.

— Я тоже, Саш. Я тоже. Ладно, жду тебя.

Я ходила по квартире как идиотка в этом тоненьком, коротком халатике поверх черно-серебристого белья, вся душистая и пушистая и совершенно одинокая. Рыба давно запеклась, вино остыло, и я уселась на диван и бездумно уставилась в телевизор. Время шло, Сашки все не было. На улице стало темнеть. Не выдержав, я опять набрала номер мужа.

— Саш, ты вообще в курсе, сколько времени?! — вспыхнула я.

— Лиза, да какого черта! Я что гуляю? Я на работе, между прочим! — неожиданно заорал на меня он.

Надо сказать, что за все пять лет совместной жизни муж ни разу не позволил себе откровенно орать на меня. Да, бывало мы спорили, препирались, я частенько могла отстаивать своё мнение на повышенных тонах. Но я всегда уважала Сашку именно за то, что он никогда не опускался до крика или грубости. Поэтому услышав его вопли, я просто опешила.

— Но я ведь жду тебя — как-то глупо пролепетала я, уже ненавидя себя за слабость.

— Если тебе скучно, позвони подружкам и сходи куда-нибудь! Я приеду как только смогу, — в его голосе помимо раздражения звучала и откровенная издевка.

Так словно я какое-то назойливое, бесполезное насекомое, которое ему досаждало. И это было действительно как удар ниже пояса. Я отключилась и долго смотрела перед собой в попытке не дать пролиться глупым слезам.

Я сняла дурацкий халат и бельё. Кому все это на фиг нужно? Завернувшись в свой обычный удобный махровый халат, я вытащила из холодильника вино и открыла его. Положив себе салата и прихватив бутылку и бокал, я уселась перед телевизором. Нашла какую-то тупую американскую комедию и сидела, плотая вино и салат, которые почему-то казались совершенно безвкусными. Фильм давно закончился и начался другой, к тому времени как я услышала, что входная дверь открывается.

Я не двинулась с места. Сашка зашёл в комнату и, не включая свет, молча смотрел на меня.

— Лиза, прости меня, я сорвался, — тихо сказал он, но почему-то в его голосе мне не слышится ни грамма раскаяния.

Звучит так, словно он просто пытается замять поскорее этот досадный инцидент, а не на самом деле сожалеет.

— Саш, скажи, зачем тебе я? — подняла я взгляд на мужа.

— Девочка моя, что за вопрос? — Саша подошел и сел рядом, обняв меня за плечи, но ближе от этого не стал.

И почему-то именно сейчас я осознала, как фальшиво звучит его голос, когда он говорит

со мной ласково. Вот тогда, когда он орал по телефону, то был весьма достоверен и натурален.

— Очень простой вопрос. Зачем тебе я? Мы практически не видимся, совсем не общаемся, никуда вместе не ходим.... — Саша закатил глаза и отстранился.

— Ну во-о-от! Начинается! Я, блин, дома не был десять дней, а ты встречаешь меня этими тупыми претензиями?

— Тупыми претензиями? — опешила я.

— Да, черт возьми! Разве так должна встречать жена мужа?

— А разве этот муж не должен лететь домой со всех ног после долгой командировки?

— Лиза, что за детские истерики! У меня работа, и это действительно было важно!

— А я? — слезы все же прорвались — Я не важна?

Самое противное было в том, что я понимала, как сейчас глупо выгляжу с этими обвинениями! Ну да, мужик работает, а я тут со своими истериками.

— Лиза, чего ты хочешь? Какого ты мне нервы мотаешь? Разве тебе чего-то в жизни не хватает?

— Мне тебя не хватает! Я чувствую себя одинокой! — взорвалась я.

— Да что за ерунда! У тебя куча подруг, я ведь не запрещаю тебе с ними видаться и ходить развлекаться куда захочешь!

— А я хочу хоть иногда ходить куда-то с тобой, а не с ними! Я хочу что бы мы ходили в гости и ужинать, что бы ты приглашал меня в кино и возил за город! Что бы ты хоть иногда говорил со мной о чем-то кроме работы! Просто разговаривал, понимаешь? Что бы ты звонил мне как раньше и говорил, как не можешь дождаться вечера, чтобы увидеть меня и заняться любовью! Хочу что бы мы были семьей! Настоящей!

— У меня нет времени на всю эту хрень! Я должен работать! — грубо оборвал меня Саша.

— Кому должен? Разве мы в чем-то нуждаемся, Саш? Кому ты должен?

— Себе! Я мужчина и мне это важно! Я должен всем вокруг доказывать, что я лучший! Я не могу быть неудачником и сделать шаг назад!

— А все это стоит того что бы потерять меня?

— Лиз, вот только не начинай! Столько времени тебя все устраивало и тут на тебе! — досадливо скривился муж.

— Да никогда меня это не устраивало! Меня всегда это задевало! Но ты ведь совсем не говоришь со мной, так что откуда тебе это знать! Ты вечно занят!

— А ты бы предпочла, что бы я был нищим бездельником как мой братец, но вел с тобой душевные беседы? Так какого же ты за него не вышла? Сейчас бы до сих пор сидела в нищете, в однокомнатной каморке и считала копейки до зарплаты. Но зато он бы тебя, конечно, возил на своей убитой колыхаге ночевать в палатке на природу и брэнчал бы на гитарке перед костром песенки о любви и, может быть, раз в месяц и водил в кино!

Слова Саши были как пощечина.

— Ты хочешь сказать, что я за тебя вышла ради всего этого? Ради денег? — я развела руки, указывая на все, что нас окружало, и мой голос сорвался.

— Да нет, что ты! Ты ведь совсем не такая! Тебе ведь деньги не нужны! Зато ты с удовольствием пользуешься всем, что они могут в этой жизни дать! — Сашка уже откровенно орал на меня. — И со мной ты бы, конечно же, осталась как жена декабриста, если бы я вдруг всего лишился и стал жалким неудачником! Ты же такая добрая,

самоотверженная и преданная!!

Знаешь, в чем, я думаю, моя ошибка? В том, что я с самого начал нянчился с тобой! Позволял тебе до хрена, дорогая! А надо было сделать тебе ребенка и заставить уйти с работы, что б сидела дома и рот не раскрывала! И с подружками твоими, шалавами, запретить общаться, что бы мозг тебе всякой херней не засоряли! И была бы рада моим приходам в любое время, просто потому, что вообще пришёл! — лицо Саши исказилось, превратившись в злобную и циничную маску.

Я попятилась, не узнавая этого человека. Разве это мой муж? Это тот человек, что так трепетно ухаживал за мной, тот с кем я делила постель? Я отступила на шаг, сглатывая ком в горле. Я не хотела плакать, но слезы сами катились из глаз, и остановить этот поток я не могла.

— Не понимаю, Саша, когда ты стал таким, — хрипло прошептала я.

— Да я всегда таким и был! Просто надоело клоуна из себя изображать и сюсюкать с тобой! Пора становиться взрослой, девочка моя! Так что вытри сопли и слёзы, и быстренько организуй мне пожрать. Я устал и хочу, чтобы меня встречали с улыбкой, в конце концов, я за это щедро плачу! И в постели свои выкрутасы хочу — не хочу, прекращай. Я не для того женился что бы стояк меня от работы отвлекал и приходилось искать бабу что бы удовлетворила... — жестокая усмешка искривила красивые губы мужа.

Что-то внутри меня хотело подчиниться, говоря что, наверное, так и должно быть. Но упрямая девочка Лиза гордо вскинула голову, не желая гнуться.

— А не пошёл бы ты, милый! — тихо прошептала я и пошла в спальню.

Я быстро оделась, отыскав свои старые джинсы и простую блузку глубоко в шкафу. Знаю, Сашку бесит, когда я ношу джинсы, но сейчас я даже не думаю что делаю, просто поступаю интуитивно. Прихватив сумку и телефон пошла к выходу.

— И далеко собралась? Может хоть раз в жизни поведешь себя как взрослый человек? — в голосе Сашки больше не было прежней уверенности и издевки, только злость.

— Думаю, ты ошибся с выбором жены, Сашенька. Я не зверушка поддающаяся дрессировке, которой ты можешь указать её место, — сквозь слёзы усмехаюсь я.

— Думаю, это ты ошибаешься, возомнив о себе чересчур много. Я и так достаточно жду, когда ты, наконец, станешь взрослой и будешь соответствовать моим представлениям о том, как должно вести себя хорошей жене. Вместо того чтобы сидеть на своей никчемной работе за копейки, следовало бы давно уволиться и родить мне ребенка и заниматься домом.

— Моя работа никчемная? А ничего, что я её люблю? Ничего что она для меня важна? — я больше не плакала и кричать тоже не хотела.

Просто наблюдала, как сантиметр за сантиметром от каждой фразы мужа растёт трещина между нами, становясь бездонным провалом.

— Для тебя должен быть важен только я, — голос Сашки полон холодного цинизма. — Я зарабатываю, я тебя содержу. И я хочу, чтобы ты бросила эту работу на хрен и сидела дома и наконец, родила! В моем возрасте уже полагается иметь ребенка!

— Полагается иметь? Это почему же? Политика вашей компании больше благоволит к семейным сотрудникам с детьми? — Саша спокойно ухмыляется. — Ну да, как же я забыла! Ради работы и своего долбанного идеального имиджа ты готов на что угодно! Даже ребенка завести! Только ребенок не собака! И зачем ребенку отец, которого он и видеть не будет?

— Прекрати создавать на пустом месте трагедию! — отмахнулся Саша.

Я ничего не говорила, боясь опять разреветься. Молча вытащила из кошелька его

кредитную карточку и положила на тумбу в прихожей.

— Лиза, не дури! Ну, мы оба погорячились, но это же не причина уходить из дома на ночь глядя! — на лице мужа появляется беспокойство, кажется, он до конца не верит что я и правда могу уйти.

Я вышла из квартиры и не став дожидаться лифта пошла вниз.

— Лиза! Вернись ты, ради бога, ну давай все спокойно обсудим! Ты ведь чего-то добиваешься? Неужели трудно просто мне объяснить?

Не хочу я ничего обсуждать! Не сейчас уж точно! Сашка еще что-то кричал мне вслед, когда я вылетела на улицу. Я быстро шла, не думая куда, просто пыталась развеять свою обиду и шок. Неужели тот человек, что сейчас орал и говорил все эти циничные вещи, и есть мой муж? Настоящий, а не тот, которого он мне показывал все эти годы. Так что, выходит, это не он плохой муж, это я такая идиотка, что не смогла рассмотреть под маской милого Сашки его настоящего? Выходит, что я жила с незнакомцем? Любила человека, которого совсем не знаю? Любила ли? Разве можно любить того, кого совсем не знаешь? Или Сашка прав, и я просто привыкла жить в том мирке, который он для меня создал? Просто сначала была влюблена, а потом просто предпочла оставить все как есть? Может, я и вообще любить не умею? Просто не знаю, что это такое?

Глава 8.

Пройдя пару кварталов, я слегка растеряла свой запал. Злость злостью, но на улице был уже поздний вечер и остро стоял вопрос, где мне приобжиться, если я не собираюсь, конечно, позорно поджав хвост вернуться домой. Но заглянув внутрь себя я поняла, что не вернусь сегодня ни за что. Может даже никогда. Решать или вдумываться в это прямо сейчас я не хочу.

Ехать к родителям тоже не вариант. Они у меня старой закалки и там меня ждет только полная упреков лекция, что я хреновая, не понимающая жена, что уходить это последнее дело и что если уж поженились, то все — это навсегда, и нужно уметь прогибаться и угождать. В общем "бачили очи что брали, тепер ешьте хоть повылазьте" и все в таком духе. К Катке? Ну, тогда уже завтра к вечеру весь город будет в курсе, что мы с мужем разбежались, причем окончательно и бесповоротно. Оповещать общественность мне пока не хотелось. Оставалась Ленка. Но, представив себе её ликование по поводу нашей с Сашкой размолвки, я содрогнулась. Она же в мгновения ока организует стихийную вечеруху своего бомонда по такому радостному поводу и начнет меня сватать. В любом случае я прямо сейчас не была готова с кем-нибудь говорить и что-то объяснять. Это дурацкая черта моего характера. Если другие стараются проговорить хреновую ситуацию, поделиться, что бы стало легче, то у меня все с точностью до наоборот. Я сразу замыкаюсь и пока не переварю все в себе, не могу ни с кем ничего обсуждать. Что остается? Гостиница? Я со вздохом огляделась, пытаюсь понять, где нахожусь.

Это был один из безликих дворов, и мне стоило выйти на проспект что бы поймать такси. Я увидела сквозной проход и пошла туда. Неожиданно прямо мне навстречу вывернула компания из нескольких высоких и крепких парней панковитого вида, и преградили мне дорогу.

— Девушка, так поздно и так темно, а вы совсем одна! Разве можно так рисковать? — нагло улыбнулся мне в лицо один из них с выкрашенными в зеленый цвет волосами, торчащими в стороны иглами дикобраза, и всмотрелся в меня повнимательней. — Такая красивая и одна. Блин, какой непорядок. Давайте проводим?

— Спасибо, не стоит, — я попыталась по дуге обойти парней, улыбаясь максимально дружелюбно.

Судорожно я припоминала уроки самообороны, которые брала ещё в универе, но разумная часть меня говорила, что против троих крепких парней я ноль.

— Ох ты блин! — раздался знакомый голос. — Это ж моя зачетная соседка! Я вам про неё рассказывал!

И прямо передо мной нарисовался мой сосед. Сегодня привычной банданы на нем не было и были видны его разноцветные дреды. Гитары за спиной тоже не наблюдалось.

— Привет, — сказала я, чуть расслабившись. — Где гитару потерял?

— У друзей оставил, а то маман грозиться её на помойку выкинуть, если за ум не возьмусь. А ты Элизабет куда одна и в такое время?

— Элизабет? — удивилась я.

— Ага, это так тебя этот влюбленный придурок величает, — поддел его зеленоволосый, и сосед смутился. — Уже задрал нас, все скулит, какая ты охрененная и даже песенку накропал. Телки на концертах прямо рыдают!

— Ганс, сделай милость, захлопни пасть! А то такой сквозняк, что просто охренеть можно, — насупившись, пробормотал сосед.

— Так вот ты какая, загадочная Элизабет! — продолжал глумиться зеленоволосый. — А то на фотках в его телефоне ничего четкого кроме твоей классной задницы и груди и рассмотреть невозможно. Хотя в принципе это и есть самое главное, верно, Дани?

— Ганс, я тебя урою! — зарычал сосед.

— Ты снимал на телефон мою задницу? — поразились я.

— Ага, и грудь тоже, — поддакнул тот, что Ганс.

Я застыла, глядя на них, не зная, как и реагировать на это.

— Эй, а может мы не будем как дебилы тут в подворотне препираться? — подал умную мысль третий парень.

Он был с короткими, местами причудливо выбритыми темными волосами и серьгами в обоих ушах.

— Элизабет, — обратился он ко мне будто мы сто лет друзья. — А давайте мы вас и правда проводим и все будут довольны. Вы безопасно попадете туда куда шли, наш влюбленный Дани на вас умиленно попялится, пуская слюни, а мы с Гансом наконец сможем рассмотреть как следует, как же выглядит девушка похитившая сердце нашего друга. Оценим всю картину так сказать, не частями.

— Мальчики, а я не слишком стара, чтобы быть объектом вашего внимания? — усмехнулась я.

— Член ровесников не ищет! — заржал зеленоволосый Ганс, за что тут же схлопотал кулаком в плечо от моего соседа. — Ой, простите, прекрасная Элизабет, случайно вырвалось! Так что мы куда-нибудь идем или будем тему возрастных различий и дальше развивать?

— Ты домой? — хмуро посмотрел на меня Дани.

— Нет, — я не смогла скрыть смущение. — Я собиралась выйти на проспект и поймать такси. Мне нужно в гостиницу. Не знаете приличную и не очень дорогую?

— Ты что со своим помороженным полаилась? — удивленно поднял брови сосед.

— С кем? — удивилась я.

— Да с мужиком своим. Он у тебя вечно такой весь как кол проглотил. Вечно идеально

прилизанный, в костюмчике, и постоянно по телефону транзит о каких то там контрактах и прочей хрени. Он хоть в постели галстук то снимает? — язвительно сказал Дани, но поймав мой взгляд, опять смутился. — Прости. Я чего-то язык распустил.

— Знаете ребята, я, пожалуй, пойду, — заторопилась я, не желая вступать ни в какие объяснения.

— Эй, Элизабет, прости этого придурка! — неожиданно встрял Ганс. — Это у него нервное! У него вблизи тебя предохранители в мозгах перегорают! Слушай, если тебе и правда переночевать где-то нужно, то у моих родоков тут хата пустая стоит. Они сами в экспедицию на полгода свалили. А мне теперь нужно там цветы эти долбанные поливать, а то мама мне голову за них оторвет.

Я замерла в недоумении.

— Нет, я не думаю что это удобно, — решительно мотнула головой.

— И почему же?

— Я вас совсем не знаю!

— Тоже мне причина! Я ж тебя замуж не зову! Выдам тебе ключи и живи сколько надо, только, чур, цветы эти гребанные поливай. Давай, соглашайся!

— Да! В чем проблема-то, Элизабет? — обрадовано подключился сосед. — Думаешь, мы к тебе приставать станем?

— А мы не станем? — бритый изобразил почти настоящее удивление, за что тут же получил по шее от Ганса. — Да какого, блин! Пошутить уже нельзя что ли? Успокойтесь, Элизабет, мы не страдаем от недостатка женского внимания и не интересуемся экстремальными видами секса типа группового изнасилования. У нас даже не на всех поклонниц здоровья, блин, хватает. Так что, тут ты в полной безопасности. Единственное, если ты сама решишься до Дани домогнуться, то он вряд ли устоит. Но тут можешь не волноваться, он у нас уже совершеннолетний, так что, тебя за растление не посадят.

— Боже, Торк, да заткни же ты фонтан! — застонал сосед.

— Все равно, это как-то... странно, — пожала плечами я.

— Для тебя странно пожить в пустой квартире, если тебе это предлагают? А ты говорил она нормальная, Дани, — оскалился зеленоволосый. — Нет, ну, в самом деле, Элизабет, кончай ломаться. Мы проводим тебя до дверей, вручим ключи и свалим. Нас уже ждут на вечеринке. Согласись — лучше так, чем колесить по городу на ночь глядя в поисках какой-нибудь сомнительной гостиницы.

— Просто, все это как-то неожиданно! Я это не планировала, — пробурчала я.

— А ты все всегда по плану делаешь, Элизабет? Сколько тебе лет? Сто? — не отставал Ганс.

Я посмотрела на парней. И в самом-то деле, в чем проблема-то? Явно никто из них домогаться меня не собирается, а какая разница, где заночевать в гостинице или в пустой чужой квартире? Не смотря на свой внешний вид и дурацкие шуточки, парни выглядели совершенно неопасными. И поэтому я, матеря себя в душе за беспечность, согласилась с ними пойти.

Прошли мы буквально пару домов. Квартира родителей Ганса оказалась на втором этаже. Чтобы не смущать меня парни действительно отдали мне ключи и, дождавшись пока я открою дверь, просто продиктовали мне номера своих сотовых и, потрепавшись еще немного, распрощались и ушли.

Я оказалась одна в чужой пустой квартире, время было около полуночи. Первым делом

я, как и обещала, проверила все цветы. Ганс явно вспоминал о их существовании не часто. Квартира была на редкость интересная. Она напоминала какую-то лавку древностей и диковинок со всего света. Как я уже поняла, родители Ганса были учеными и почти все время находились в экспедициях по всему свету, привозя из них всякие штуки. Тут было все: от египетских свитков папируса, небольших статуй, страшнолюдных африканских масок, до огромных раковин моллюсков всех цветов радуги, диковинных огромных бабочек в рамках и поразительной коллекции холодного оружия, современного и не очень, на стенах. Я чувствовала себя как в музее.

Устроившись на диване в зале, я, засыпая, отругала себя в очередной раз за легкомыслие. Вот нормальная женщина в моем возрасте поддалась бы разве на уговоры незнакомых парней младше себя лет на пять и согласилась бы ночевать в чужой квартире? С другой стороны, вот я здесь, мне ничего не угрожает, и вся эта суeta отвлекла меня от нашей с Сашей ситуации. И как давно я не делала что-то... что-то глупое или сумасбродное? Что-то такое, что можно сделать только спонтанно. Я смотрю в потолок и не убиваюсь в рыданиях и даже почему-то не хочу прямо сейчас осмысливать эту ситуацию. Как ни странно, заснула я быстро, хоть мне и казалось, что в незнакомом месте буду ворочаться до утра.

Будильник на телефоне заорал как всегда в семь пятнадцать. Открыв глаза, я с минуту соображала, где нахожусь. Но потом, поняв, быстро встала. Умывшись уж как придется и поняв, что на кухне естественно шаром покати, я решила, что перекушу в кафешке рядом с офисом. Я включила телефон и набрала Ганса и долго ждала ответа.

— Элизабет, ты обалдела вообще в такую рань звонить? — прохрипел он, наконец, мне в ухо. — Я заснул полчаса назад, млин!

— Ой, извини! Я просто хотела узнать, как быть с ключами?

— А что ты уже сваливаешь?

— Ну да, я на работу иду.

— А потом что домой к мужу? Решила одуматься и на поклон пойти?

— Я не решила еще, — я закусил губу.

— Ну, так как решишь, так и позвони. Только, умоляю, не в такую рань.

— Спасибо тебе, Ганс.

— Меня вообще-то Андрей зовут. А ты можешь оставаться в квартире ближайшие пять месяцев. Все мне легче, таскаться туда каждую неделю не надо. А то цветы эти, и пыль еще, и бабки соседские гундят, что пустая хата воров привлекает! Оставайся, а? На фиг тебе этот муж?! — заканючил зеленоволосый.

— Я подумаю. Может еще на день-два, — засмеялась я.

— Ну, вот и ладно! — обрадовался Андрей-Ганс. — И теперь дай мне доспать!

Пришли сообщения о пропущенных звонках от Сашки и с незнакомого номера. И еще текстовое.

"Лиза, где ты? Прекращай свою истерику и немедленно возвращайся домой!" и я словно услышала холодный голос мужа, произносящего эти слова. Поставила телефон на беззвучный и бросила в сумку.

Я заперла дверь и пошла к остановке. На работу придется идти в джинсах и вчерашней блузке. Такого я себе раньше никогда не позволяла. Ну и наплевать, не голая же!

На работе все косились на меня, но вопросов задавать не стали. Сашка пытался дозвониться еще с десятков раз за день. С незнакомого номера тоже было несколько попыток. Но я решила, что это просто муж звонит с чужого номера и не стала отвечать. Пришли еще

несколько сообщений с требованием поговорить с ним и возвращаться домой немедленно, но я их проигнорировала. В конце концов, если хочет со мной поговорить, то вот она я, на рабочем месте. Нужно — пусть приезжает. Понимаю, что веду себя как дура, ну и что!

После работы я все же заехала домой и, постояв в нашей с Сашкой квартире, вдруг поняла, что пока общаться с ним не готова. Может это по-детски и глупо. Но я понимала, что пока разговора у нас не выйдет. Я сорвусь опять или на слезы, или на крик, а он просто опять не станет меня слушать, и это снова ни к чему не приведет. Нет, думаю, стоит нам обоим побыть подольше друг без друга и понять, нужны ли мы вообще друг другу. Я ожидала, что от этой мысли у меня сожмется в панике сердце и станет больно. Ведь пять лет это не один день. Но не было ничего кроме горечи и странной грусти. Как по чему-то давно умершему. Грусть от потери, что незаметно случилось давным-давно.

Я собрала кое-какие вещи и решила, раз пока Андрей меня не гонит, то поживу пока еще пару дней.

Но прошла неделя, а я все еще тут. Почти каждый вечер меня навещали Дани (которого звали на самом звали Сергеем Даниловым) и бритый, который просил называть себя Торком и признаваться как его зовут в миру, так сказать, ни за что не хотел. Мы пили чай и болтали. Временами, общаясь с ними, я чувствовала себя древней, отставшей от жизни, а иногда начисто забывала о разнице в возрасте. Ребята, не смотря на экзотическую внешность и немного циничный взгляд на некоторые вещи, были хорошими собеседниками и совсем не одноклеточными придурками. Мне нравилось оставаться одной в этой квартире и рассматривать все хранившиеся в ней бесконечные диковинки, перебирать старые книги. Саша за всю неделю так и не появился у меня на работе и даже перестал звонить и писать. Мне было, безусловно, обидно, но какая-то часть меня шептала, что может так и лучше. Рома тоже никак не обозначивался, видимо решив перестать общаться со мной окончательно. Ну что же, мне ли его винить, если сама и прогнала.

Я старалась гнать от себя мысли о том нашем последнем поцелуе. Но воспоминания о нём все равно прорывались непрошенными и вырывали меня из того состояния отстраненности, которого я намеренно старалась достигнуть отказываясь от общения со всеми знакомыми. Я надеялась, что это даст мне возможность взглянуть на все беспристрастно.

Но мое спокойствие, к которому я так стремилась, было взорвано в субботу. Первой в истерике позвонила моя мама. Оказалось, что Саша приехал к ней с цветами и ювелирными побрякушками в надежде найти меня там и забрать домой. Естественно, тут же выяснилось, что меня там и не было. Я выслушала пламенную речь мамы о безответственности и моем эгоизме и приказ немедленно прекратить страдать ерундой и вернуться домой и приступить, так сказать, к своим непосредственным обязанностям жены. Следующим был звонок от Катьки, сообщившей, что мой благоверный меня ищет. И последней была Лена с радостным визгом поздравившая меня с великим, судьбоносным решением и тут же предложившая устроить по этому поводу грандиозную пьянку. И только в последнюю очередь Саша решил позвонить мне. В этот раз, поколебавшись, я все же ответила.

— Привет, — сказала я.

— Привет, Лиза, — голос у мужа был напряженный. — Ты можешь мне объяснить, какого черта происходит? Почему мне никто не может внятно сказать, где ты?

— Может потому что никто и не знает, — как можно спокойней сказала я.

— Ну, в таком случае, не будешь ли ты так добра назвать мне адрес, что бы я мог

забрать тебя и закончить этот тупой фарс. Мне надело быть клоуном для окружающих, разыскивая свою жену повсюду. Поигралась немного и хватит, — раздраженно сказал муж.

— Скажи, а почему ты ждал до субботы, что бы ты начать искать меня? Что в твоём плотном графике не было места для этого?

Повисла тишина.

— Лиза, может хватит уже вести себя как тупая малолетка? Уход из дома, эти игры в прятки... На что ты рассчитывала? Что я брошу все и начну метаться в поисках тебя? — в голосе опять бездна цинизма и насмешки.

А и, правда. Неужели в глубине души я надеялась на то, что Саша бросит все и озадачиться поисками меня? Да, надеялась, чего уж врать. Но сейчас понимаю, что совершенно зря. Хотя чего там искать — пришёл на работу и я тут как тут.

— Нет, Сашенька, я понимаю, что ты не стал бы так озадачиваться, — усмехаюсь я, чувствуя как холод разливается у меня в груди.

Глупая, глупая ты, Лиза.

— Я не понимаю, Лиза, ты что всерьёз рассчитывала чего то добиться этим детским демаршем? Но это же глупо и неразумно. Не проще ли было внятно высказать мне свои требования и попытаться все решить в спокойном разговоре?

— Саш, ты хоть слышишь себя? Ты сейчас разговариваешь со мной как с каким-то бизнес-партнером или несговорчивым клиентом. Что на фиг с тобой стало? Когда ты превратился в робота?

— Лиза, а можно без драмы? Давай я заберу тебя, и мы всё обсудим. Если ты пытаешься от меня подобным образом чего-то добиться, то внятно объясни мне что и я посмотрю что можно сделать.

— Знаешь что, Сашенька? Я тебе все уже сказала. Внятно и четко. Мне нужен мой муж. Тот человек, за которого я выходила замуж. Тот человек, что должен быть рядом в горе и радости...

— Господи, ну не начинай ты опять нести эту чушь!

Я глубоко вздохнула и отключилась. Выключив телефон, я положила его под подушку и ушла смотреть телевизор.

Глава 9.

В понедельник после обеда меня вызвал к себе начальник.

— Елизавета Михайловна, вам сегодня предстоит очень важная встреча. Вашим экспериментальным рекламным продуктом заинтересовались в сети автосалонов "Хозяин дорог". Они просили, что бы вы сегодня подъехали в их головной офис и устроили презентацию. Я бы конечно послал кого-нибудь из девочек, знаю, что вы не любите этих выездов на место, но эти бестолковки что-нибудь накосячат, а клиент серьезный. Вы готовы?

— А почему такая срочность? — удивилась я.

— Мне не объясняли, а я не настаивал. В наше время лишних вопросов клиентам не задают. Ну, так вы готовы? Они за вами через час собираются прислать машину. Вам хватит времени подготовиться?

— Да, вполне.

— Хорошо. Не подведите нас, пожалуйста, Елизавета Михайловна.

Я пошла на рабочее место и собрала необходимые документы и флешки. Вскоре меня позвал охранник и сказал, что машина за мной уже пришла. Офис "Хозяина дорог" оказался

в центре, и поэтому толкотня по пробкам заняла какое-то время. Войдя в фойе, я сказала охраннику, зачем пришла.

Через минут пять за мной пришла длинноногая блонди типа Барби и, окинув меня взглядом полным осознания собственного превосходства, сообщила:

— Я - Екатерина, личный помощник директора, — произнесла она так, словно сообщала, что секретарь господ бога. — Пройдемте за мной, вас уже ожидают.

Мы поднялись по лестнице и прошли по длинному коридору. Затем Екатерина толкнула двери конференц-зала. Я, собравшись, вошла и окинула взглядом сидящих за столом людей. Пять мужчин и две женщины. Но увидев того, кто сидит во главе стола, мне сразу захотелось развернуться и уйти.

Там сидел Рома, собственной персоной, в роскошном костюме, гладко выбритый и весь такой вылизано-идеальный и при этом совершенно неотразимый. И смотрел он на меня так, словно впервые видел. А у меня на секунду помутилось в голове от холодного взгляда этих синих лазеров.

— Прибыла госпожа Филипова из "Нового взгляда", — сообщила Барби.

— Хорошо, — прозвучал холодный голос Ромы. — Пусть готовится.

Екатерина указала мне, где я могу загрузить информацию для демонстрации, и я постаралась мысленно отгородиться от мыслей о Роме, сидящем с ледяным лицом. И мне это почти удавалось, до тех пор, пока Екатерина не подошла к нему вплотную и, наклонившись так, что бы повыгодней продемонстрировать своё декольте, как бы невзначай положив ручку ему на плечо, стала что-то шептать на ухо. А этот засранец уткнулся глазами в её долбанные сиськи и улыбался, и кивал, явно очень заинтересованный.

Я одернула себя, подавляя вспышку злобы и ревности. У меня нет на это права. Презентацию я провела весьма эмоционально, хоть так выплескивая злобу, накрывающую меня каждый раз при взгляде на замершую за спиной Ромы Екатерину с рукой, словно приросшей к его плечу, так словно у неё на это было полное право. Когда я закончила, один из мужчин, сидящих за столом, даже заплодировал и, поднявшись, подошёл ко мне с улыбкой.

— Превосходно, госпожа Филиппова! Вы на самом деле так любите свою работу! Говорите о ней так эмоционально и заразительно, — он взял мою руку, поднес к губам и, поцеловав, представился. — Ян Челищев, замдиректора, но для вас — просто Ян. Восхищен И не только вашей работой!

Ян был достаточно привлекательным и холемым, выше меня, стоящей на каблуках, где-то на пол головы, с красивыми карими глазами в которых сейчас прыгали заинтригованные бесенята. Улыбался он открыто и заразительно, поэтому я улыбнулась в ответ, стараясь отвлечься от мыслей об интимности прикосновений, которые Рома позволил этой кукле Барби.

— Я думаю, что все могут быть свободны! — раздался раздраженный голос Романа. — Ян у тебя вроде была встреча?

— Ну да! И я на неё обязательно попаду, как только выпрошу номер телефона у прекрасной госпожи Филипповой, — промурлыкал Ян, не сводя с меня глаз. — Я думаю, что могу рассчитывать на то, что вы согласитесь со мной как-нибудь поужинать?

Я только хотела открыть рот, что бы вежливо отшить самоуверенного красавчика, но Роман опередил меня.

— Думаю, что ты поступишь гораздо умнее, если свалишь отсюда прямо сейчас! —

Роман вскочил со своего места, стряхивая руку Екатерины, и вся его поза явственно выражала угрозу.

— Ладно, я уйду! — примирительно поднял руки Ян, и, наклонившись ко мне, прошептал. — Я все равно вас найду, я ведь знаю где искать!

И одарив меня ослепительной улыбкой, он направился к выходу. За ним прощаясь, потянулись и остальные. Я быстро собрала свои манатки и тоже пошла на выход.

— Елизавета Михайловна, задержитесь, пожалуйста! У меня к вам пара вопросов! — громко сказал Рома, и в голосе явно слышалась злость.

Я замерла и развернулась. Екатерина так и торчала столбом за спиной Романа.

— Я готова ответить на все ваши вопросы, — я постаралась изобразить дежурную милую улыбку.

— Уверена? — оскалился Рома.

Я кивнула, хотя сейчас уже не была ни в чём уверена.

— Екатерина, я, по-моему, сказал, что все свободны.

— Но, Роман Григорьевич...

— Я сказал — свободны.

— Но может кофе... — попыталась Барби.

— Я думаю, что нам с Елизаветой Михайловной сейчас на хрен не нужно кофе, а если понадобится, я знаю как пользоваться кофе-машиной. Так что, на сегодня вы свободны! — Роман уже откровенно рычал.

Екатерина окатила меня ненавидящим взглядом и вылетела из кабинета, хлопнув дверью.

— А вы оказывается хам и грубиян, Роман Григорьевич, — негромко сказала я.

Роман быстро прошел через зал и запер двери. Я слотнула, понимая, что совершенно не готова остаться с ним наедине. А Роман, развернувшись, быстро сократил между нами расстояние. Схватив один из стульев, он резко развернул его и жестом предложил мне присесть.

— Поговорим? — его глаза были гневно сужены, а губы напряжены.

— У вас какие-то вопросы по поводу материалов представленных на презентации? — сделала попытку я.

— На хрен эту презентацию! — рыкнул Рома, и я вздрогнула.

— Тогда я не понимаю, о чем мы должны поговорить.

— Не понимаешь? — Рома сел напротив, так же развернув стул, и подался вперед, впиваясь взглядом в моё лицо. — В самом деле, ты не понимаешь, Лиза? Или просто прикидываешься невинной идиоткой?!

Рома сорвался на рык, еще сильнее подаваясь ко мне.

— С какой стати ты со мной так разговариваешь? — нахмурилась я шокированная.

— Не корчи из себя дуру! — рывкнул мужчина. — Когда ты на хрен собиралась сказать мне, что ушла от мужа?!

— Я не ушла! Просто хочу все обдумать! А почему я вообще должна тебе об этом говорить? Кто ты такой, что бы я перед тобой отчитывалась?!!

Рома издал яростный рык и вдруг рванул меня на себя. В одно мгновение я услышала треск ткани на моей юбке и оказалась на его коленях, лицом к нему с раздвинутыми ногами, прижатая так крепко, что не могла даже пошевелиться. Он впился в мои губы жестким поцелуем, бесстыдно прижимая меня к своему уже твердому как камень члену. Я уперлась

руками в его плечи, пытаясь вырваться, но он крепко удерживал меня за голову и, обхватив второй рукой талию, не давая ни малейшего шанса отстраниться. Ерзая, я только делала наш контакт еще теснее. Терзая мои губы, он издавал низкие, голодные стоны и двигал бедрами похотливо потираясь своей жесткой длиной о мое открытое в таком положении естество. Он и не думал хоть как-то скрывать то, чего от меня хочет, и от этой его вопиющей, бесстыдной жажды, во мне вдруг сорвались все возможные ограничения. Это было чем-то глубоко порочным и дико возбуждающим — быть настолько сильно желанной для такого мужчины. Сила его вожделения была словно заразна, как вирус, что проникнув в кровь, с огромной скоростью переделывал меня под свои нужды и желания, она была как лесной пожар, подгоняемый ураганным ветром. Я и сама пропустила тот момент, когда вместо того что бы отталкивать, впиалась в плечи Ромы ногтями, принимая его яростный вызов и требуя большего. Я стонала и кусала его губы, не желая уже дать ему шанса остановиться. И не было это никаким наваждением. Никогда в жизни я ничего так не хотела как в этот момент, что бы Рома не останавливался. Меня смыло этой неистовой волной, прорвав внутри какую-то плотину, выпустив на свободу все долго скручиваемые в бараний рог желания. Абсолютно отчетливо я видела что происходит, и прекрасно осознавала что делаю. Но останавливаться уже не собиралась.

Все что происходило дальше сложно назвать красивым, а уж тем более возвышенным. Рома поднялся со мной на руках и, задрав мою юбку до талии, усадил меня на стол. Не отпуская мои уже истерзанные губы, он широко развел мои бедра, снова яростно потираясь своей пульсирующей твердой плотью, заставляя меня извиваться и стонать. Его рука скользнула по моему бедру и накрыла через насквозь промокшие трусики моё лоно. Ощувив мою влагу, он дернулся, и издал хрип, словно ему было больно.

— Ромашка моя, какая же ты уже влажная и горячая... — хрипел он, отодвигая в сторону тонкую преграду и скользя бесстыдными пальцами по моей влаге. — Если бы ты знала сколько раз я поимел тебя уже в своих долбанных фантазиях за эти дни. Я не дрожил столько с тех времен как был подростком... Ты даже не представляешь до чего доводишь меня... Я не могу спать... как только закрываю глаза только и вижу — тебя скачущую на мне... или стоящую в душе на коленях... Я всю эту гребанную презентацию представлял себе как тр*хаю тебя у стены, или нагибаю над столом...

Его бесстыдные слова, произносимые хриплым, прерывающимся шепотом, и легкие дразнящие движения его пальцев на моем клиторе совершенно сорвали мне крышу. Я выгибалась, требуя больше контакта и давления, приходя в настоящее неистовство от его измывательств.

— Хватит болтать и сделай уже что-нибудь, — я сама не узнаю свой хрипящий голос с приказными, рычащими нотками.

— Что ты хочешь, чтобы я для тебя сделал? — кружащие пальцы становятся настойчивей, заставляя меня стонать громче и делая мои бедра живущими собственной жизнью.

— Все что угодно! Только прекрати болтать и заставь меня кончить...

Рыкнув, Рома дергает мои трусики и с резким треском открывает себе полный доступ. Он пытается склониться лицом между моих бедер, но это не то, что мне сейчас нужно. Я тяну его голову вверх за волосы.

— На хрен эти игры. Хочу тебя внутри. Сейчас же.

Рома ругается, тяжело выдохнув через плотно сжатые зубы и резко хватается за свой

ремень. Его штаны соскальзывают, и я вижу его эрекцию, выпирающую через белые боксеры. На трусах явно виднеется пятно, говорящее, что не я одна тут истекаю от желания. Я протягиваю руку и обхватываю его прямо через тонкую ткань. Рома вскрикивает, дергается и до боли сжимает моё запястье, не давая сделать ни одного движения.

— О, Господи боже, Лиза! — в его севшем голосе почти отчаянье. — Только не в этот раз! — умоляет он меня. — Пощади мою гордость... Я слишком долго этого хотел.

Я пропускаю мимо ушей фразу, намекающую, что этот раз не единственный. Мне нет до этого сейчас дела. Рома отводит мою руку и освобождает свой член. Я смотрю на него, и он дергается под моим взглядом, становясь, кажется, еще больше и напряженнее. Не то что бы я видела много, но Рома там просто идеален. И ему ни хрена не стыдно будет раздеться в мужской бане. Господи, да ему вообще нигде не стыдно будет раздеться. Я не могу отвести глаза.

— Лиза-а-а-а! — стонет Рома. — Если ты будешь так смотреть, то я кончу от одного только твоего взгляда!

Я поднимаю глаза, встречаюсь с его взглядом, и от неистового, голодного синего огня я не могу дышать. Вырываюсь из этого плена и снова опускаю глаза, чтобы увидеть как Рома обхватывает себя рукой и направляет свою пульсирующую плоть в меня. Едва коснувшись моей влаги, он глухо стонет и скрипит зубами. Толкнувшись вперед, он запрокидывает голову, его горло судорожно дергается и он ругается, задыхаясь и продолжая погружаться в меня. Это совсем не романтичный первый раз, но от вида его ничем не прикрытого, грубого, бьющего через край наслаждения, я сама схожу с ума. Все мои ощущения сосредоточены сейчас в месте, где он проникает в меня, заставляя шевелиться волосы и вытягивая из меня реально животные звуки. Я выгибаюсь, делая нас еще ближе. Рома издает короткий гневный рык и, хватая меня за бедра, резким движением ещё сильнее насаживает на себя.

— Держись, Ромашка, — его голос кажется почти злым от напряжения, а лицо искажается.

Он опускает глаза туда, где соединяются наши тела и начинает вдавливать в меня в бешеном темпе, вращая бедрами, чтобы проникнуть как можно глубже. Я взрываюсь почти сразу, буквально через десяток этих мощных, разрывающих меня на части движений, хриплю и содрогаюсь, даже не думая как-то этим управлять. Падаю без сил на стол и пытаюсь отвернуться. Он делает еще несколько рваных движений, словно стараясь загнать себя максимально глубоко и схватив меня за затылок, дергает, заставляя смотреть ему в лицо, когда он, хрипя, кончает. В этот момент его глаза горят таким мрачным пламенем, почти пугая меня своим неистовством, потом их завлакивает пелена наслаждения, Рома закрывает их и валиться на меня, прижимая к столу своим раскаленным телом. Он все еще пульсирует внутри меня, вызывая ответные спазмы моих внутренних мышц и волны дополнительной дрожи во всем теле.

Лежать на холодном, гадком столе придавленной его телом чертовски неудобно, и поэтому момент обычного после секса расслабленного умиротворения проходит очень быстро.

— Слезь с меня, — я толкаю Рому в грудь, и он быстро приподнимается, освобождая меня.

Угар прошел и мне не хочется смотреть ему в глаза. Нет, я не кисейная барышня, чтобы разрыдаться и обвинить его в соблазнении, или предаваться сожалениям о случившемся. Все что я сейчас испытываю — это дискомфорт от влаги, стекающей между бедер, и поэтому

быстро поднимаюсь и ищу салфетки в своей сумке. Неожиданно чувствую влажное прикосновение к внутренней поверхности моих бедер. Рома сориентировался быстрее и сейчас вытирает меня с сосредоточенным видом, будто осуществляет какую-то важную миссию. Его движения очень нежные и аккуратные.

— Спасибо, — говорю я и встаю со стола.

— Я не сделал тебе больно? — тихо спрашивает он. — Прости, я слегка озверел.

— Нет, все нормально. Именно так, как нужно, — я прячу взгляд, потому что чувство неловкости накрывает меня.

Вот мы и сделали это. Теперь дружба в прошлом, и в присутствии друг друга мы всегда будем чувствовать себя неловко.

— Если хочешь, можешь принять душ в моем кабинете.

— Нет, я все равно отсюда сразу домой. Так что не стоит.

Я прекрасно понимаю, что наступает самый неприятный момент. "После секса". Это то, что я больше всего ненавижу в человеческих отношениях. Противная неловкость, когда оба понимают что все, пора бы разойтись по-быстрому, но какие-то условности мешают сделать это, вынуждая нас еще что-то говорить и замирать в ожидании реакции партнера. Я оправляю юбку и вижу, что сбоку она все же слегка разошлась по шву. Черт, а мне еще добираться! Я намеренно стараюсь не замечать, что сейчас делает Рома. Это уже не важно. Страница перевернута.

— Хочешь кофе? — хрипло спрашивает Рома.

— Нет. Не стоит.

— Я отвезу тебя домой? — такой же тихий голос.

— Да нет, спасибо. Я вызову такси, зачем тебе заморачиваться.

— Да что за на хрен! — неожиданно орёт Рома. — Что, все было настолько плохо, что ты ни взглянуть на меня не хочешь, ни двух слов сказать!

Я испугано поднимаю глаза и смотрю на разъяренного мужчину стоящего прямо передо мной.

— Ромашка моя, я что, совсем обложался?! — он обхватывает моё лицо и нежно целует, едва касаясь губами моих распухших губ.

— С чего ты взял? Все было просто замечательно. Но мне пора.

— То есть ты сейчас просто возьмешь и выйдешь в эту дверь, словно ничего и не было? И могу поспорить, что ни звонка, ни нового визита я не дождусь, — лицо Ромы постепенно теряет краски, становясь каменной маской.

— Я думаю, что это лучший вариант для нас обоих, — я отвожу глаза.

Рома отступает, и губы его искривляются в горькой усмешке.

— Значит, все же я был прав с самого начала. Ты ушла от мужа к другому. Правильно. Разве такая женщина как ты, Лиза, может быть когда-нибудь свободна?

На меня неожиданно наваливается обида. Кем он меня считает? Шлюхой, которая от мужа ушла к любовнику, а с ним решила в промежутке поразвлечься? Хотя чего ты, Лиза, ожидала после того как сама позволила себя тут на столе разложить без долгих уговоров? Волной накрывает горечь, а затем апатия. Я смотрю в синие глаза Ромы, теперь обжигающие меня холодом, и понимаю, что не стану ему ничего объяснять. Оно того не стоит. Не собираюсь душу выворачивать под этим расчленяющим взглядом. Забираю сумку и иду к двери. Спускаюсь вниз под пристальными взглядами охранников, внимательно изучающих мой помятый внешний вид. Не буду вызывать такси, просто поймаю машину на улице.

Неожиданно, с визгом передо мной тормозит уже знакомая иномарка. Рома наклоняется и открывает дверь.

— Садись в машину. Не пытайся выставить меня уж совсем ничтожеством, которое не может быть хотя бы элементарно вежливым. Ты достаточно продемонстрировала мне сегодня что я ничто для тебя.

Я делаю шаг от машины. Ну да, мужчины, они ведь всегда кого-то должны обвинить. Только я не пойму, в этой ситуации я с какой виноватой стала? Вроде все стороны должны быть довольны.

— Я поймаю такси, Ром, — не хочу сейчас выяснять ничего.

Тем более отношения, которых просто нет.

— Лиза, я сказал — садись в машину! Неужели ты хочешь в таком виде садиться в машину к какому-нибудь незнакомому мужику? Садись, обещаю — всю дорогу слова тебе не скажу.

Я сажусь сзади. Не могу сейчас находиться с ним рядом. Рома хмыкает и сжимает челюсти до хруста.

— Адрес скажешь?

— Довези меня до Зеленого проспекта, к "Магниту". А дальше я сама. Там рядом.

— Что настолько мне не доверяешь, что до дома довезти не позволишь? — насмешливо кривит губы Рома. — Или просто твой новый мужчина такой ревнивый?

Последнее он произносит, словно выплевывает.

— Ты обещал молчать, — напоминаю я.

Рома резко отворачивается и всю остальную дорогу больше не произносит ни слова. Я молча выхожу из машины. Слышу визг покрышек за спиной. Прихожу в квартиру Гансовых родителей и, скинув с себя всю одежду прямо у двери, иду и сажусь в ванную. И вот тут уж меня накрывает. Рыдания рвутся из меня, и я ничего не могу с этим поделать. И какая-то часть меня цинично усмехается, говоря, что когда я уходила от мужа мне не было и на сотую долю так больно как сейчас. Кто мне этот Рома? Друг детства, которое давно прошло и забылось? Партнер по случайному сексу, который забудет меня уже завтра? Мужчина, к которому я испытала влечение такой силы, которого в моей жизни еще не было? И который теперь наверняка будет считать меня легкодоступной дешевкой? Что из этого причиняло мне такую боль?

Нарыдавшись и устав от всех этих вопросов я выбралась из ванной и, завернувшись в халат, побрела в комнату. Единственное что я поняла для себя сейчас, это то, что моего брака больше не существует. Я не собираюсь врать Саше, а тем более себе.

Схватив свою сумку на полу в прихожей, я вытащила телефон и набрала мужа.

— Здравствуй, дорогая, — сухо поздоровался со мной он. — У тебя что-то срочное, а то я немного занят.

— Я не займу много твоего времени, Саша. Я просто хочу сказать, что не вернусь больше домой.

— Могу я узнать причину? — после секундного замешательства спросил муж.

— Да. Я сегодня занималась сексом с другим мужчиной и не считаю, что после этого вправе дальше сохранять наш брак.

Саша молчал около минуты.

— Как ты хочешь, что бы я реагировал на это твоё заявление? — его голос дрогнул.

— Не знаю. Как хочешь. Просто ты ведь любишь все планировать, поэтому сообщаю

заранее, что бы ты не планировал моё возвращение домой и нашел время для посещения зала суда, когда нас будут разводить. Хотя детей у нас нет, на твоё имущество я не претендую, так что разведут и так, даже если в твоём плотном графике для этого не найдется времени.

Саша молчал, и я уже хотела прервать связь, как вдруг он спросил тихо и хрипло.

— Ты уходишь к нему? К этому мужчине?

— Нет, Саш. Сегодня это была случайность. Я остаюсь сама по себе, — и я выключилась, не желая говорить больше.

Ну что же, сегодня у меня прямо день перевернутых страниц. Конец старой дружбе и моему браку.

Больше книг на сайте — Knigolub.net